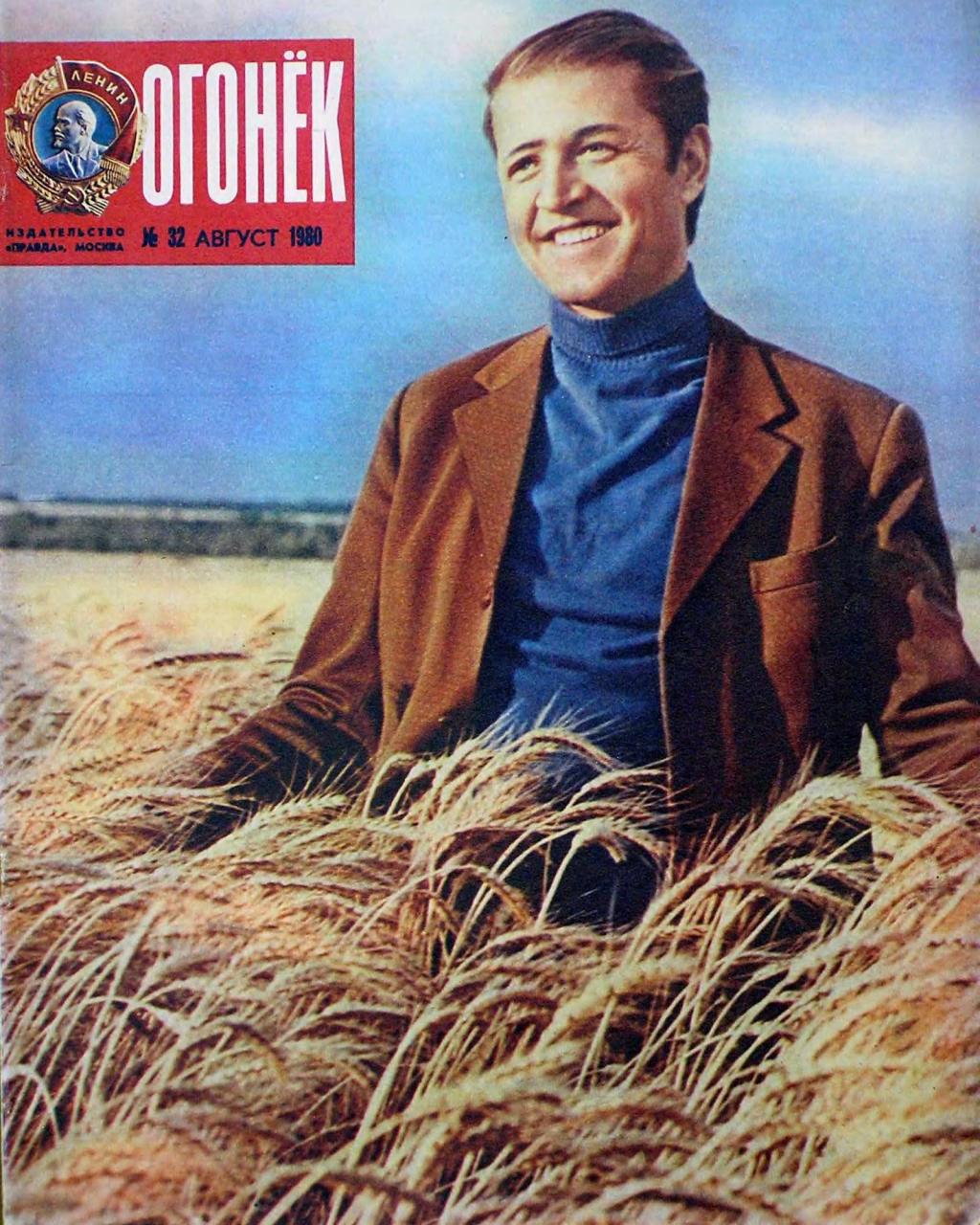

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 32 АВГУСТ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 32 (2769)

9 АВГУСТА 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

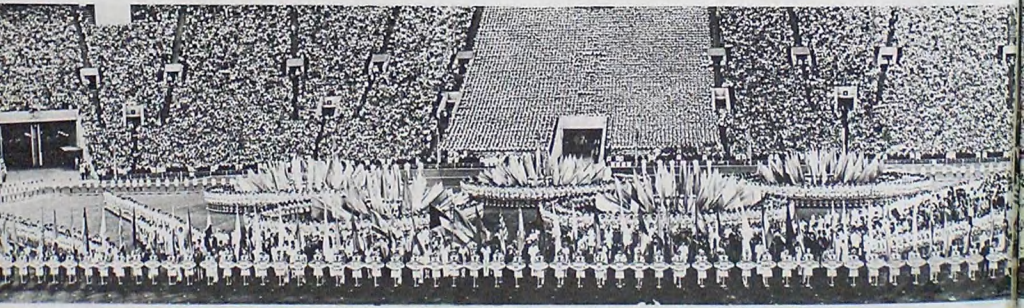
Торжественное закрытие Игр XXII Олимпиады.

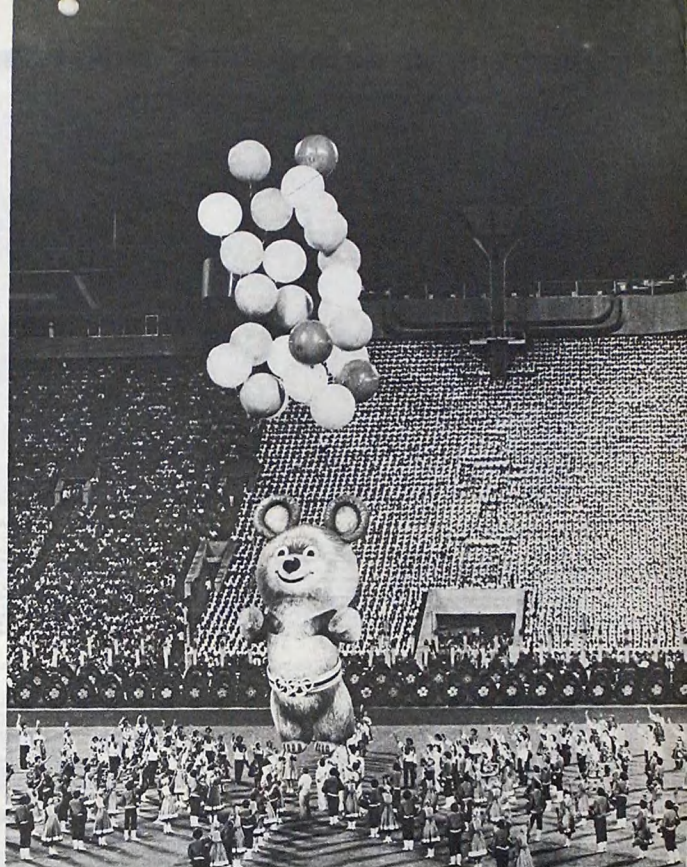
В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИННИНА

и А. ГОСТЕВА

СПОРТ-

ЭТО МИР!

На пресс-конференции в заключительный день Олимпийских игр иностранные журналисты благодарили организаторов Олимпиады за отличные условия, предоставленные им. И действительно, современные технические возможности, которыми располагал пресс-центр XXII Олимпиады, давали возможность журналистам буквально в считанные минуты связываться с редакциями и сразу же передавать

Лорд Майкл Киллани объявляет Игры XXII Олимпиады закрытыми.
Фото И. Уткина [ТАСС]

См. стр. 31.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА И Э. ГЕРЕКА

Во время встречи.

Телефото В. Мусалыяна (ТАСС).

31 июля в Крыму встретились Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, проводивший в Советском Союзе свой отпуск. Л. И. Брежнев и Э. Герек поинформировали друг друга о положении дел в своих странах, о

проблемах, над решением которых сейчас работают КПСС и ПОРП. Участники беседы высоко оценили о политическом взаимодействии двух братских партий, которое служит движущей силой дальнейшего сближения народов Советского Союза и Польши, постоянного углубления их разностороннего сотрудничества.

Товарищи Л. И. Брежнев и Э. Герек подчеркнули необходимость принятия с обеих сторон мер по контролю за точным и своевременным выполнением договоренностей программы специализации и кооперирования, за более эффективным использованием в обоюдных интересах научного потенциала Советского Союза и Поль-

ши. Важно привести в движение имеющиеся резервы в экономических связях между СССР и ГДР, в частности, в области легкой и пищевой промышленности.

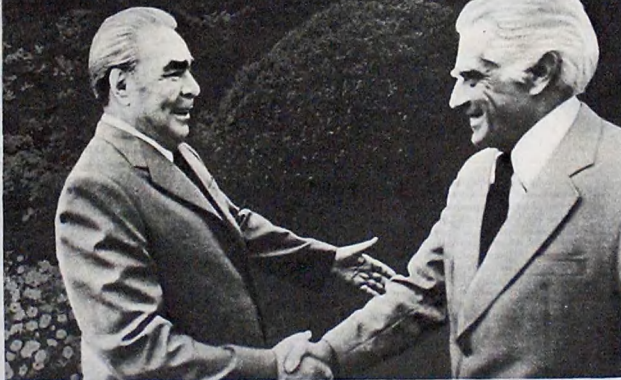
Обсудив международное положение, участники встречи отметили, что сейчас не существует решающего вопроса, быть или не быть новому туру гонок. Советский Союз и Польша, понесшие наибольшие жертвы во второй мировой войне, делают вместе с другими странами социалистического содружества все от них зависящее, чтобы не допустить усиления военной угрозы. Препятствовать пути безудержному нарастанию ракетно-ядерных потенциалов — такой главный смысл деклараций, принятой Политбюро консультативным комитетом государств — участников Варшавского Договора на его майском совещании в польской столице.

Состоявшиеся в последнее время встречи и переговоры руководителей государств социалистического и капиталистических стран свидетельствуют, что политический диалог становится все более широким. Столкнувшись с разрывом, предостережением, однако, чтобы ни одна из сторон не пыталась нарушить сложившееся равновесие военных сил. Такие попытки бесперспективны и могут лишь привести к новым основательным международным обострениям. Участники встречи подтвердили свою неизменную поддержку самостоятельной борьбы капиталистического народа за национальные права, включая создание собственного государства. Они с удовлетворением отметили, что требования справедливого бинимностного урегулирования авторитетно выдвинуты в специальной резолюции, принятой недавно Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

Л. И. Брежнев и Э. Герек обменялись мнениями о насущных проблемах международного коммунистического движения. При этом было подчеркнуто растущее значение коммунистического движения, а также других прогрессивных политических и общественно-политических течений в борьбе за мир и социальный прогресс.

Встреча руководителей двух братских партий завершилась взаимным сердечным и полным взаимопониманием.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С А. КУНЬЯЛОМ

2 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Португальской компартии А. Куньялом.

А. Куньял рассказал о работе Португальской компартии, о самоотверженных усилиях трудящихся, направленных на сохранение прогрессивных перемен, достигнутых

в результате апрельской революции 1974 года. Португальский народ полон решимости дать отпор реакциям, пытающимся ликвидировать демократический режим в стране.

Л. И. Брежнев выразил уважение советских людей к португальскому народу, солидарность советских коммунистов с борьбой КПП, португальских патриотов, трудящихся в защиту демократических завоеваний. Он осветил международную политику КПСС, работу партии на завершающем этапе десятилетия, ход подготовки к очередному XXVI съезду КПСС.

Л. И. Брежнев и А. Куньял подчеркнули необходимость усиления сплоченности коммунистических и рабочих партий и важного условия активизации международной общественности и организаций действенных выступлений вместе с другими демократическими силами в пользу мира и разрядки.

В ходе беседы была дана высокая оценка успехов народов в строительстве социализма, в борьбе за демократическую свободу, национальную независимость и социальный прогресс.

Товарищи Л. И. Брежнев и А. Куньял являются убежденными сторонниками укрепления сотрудничества и солидарности между тремя великими революционными силами современности — социалистическими странами, рабочим движением капиталистических государств и национально-освободительным движением.

На встрече была выражена готовность крепить братскую дружбу и сотрудничество между КПСС и КПП на основе взаимного и равноправного интернационализма.

Встреча прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и подтвердила согласие обеих партий по всем вопросам.

Телефото В. Мусалыяна (ТАСС).

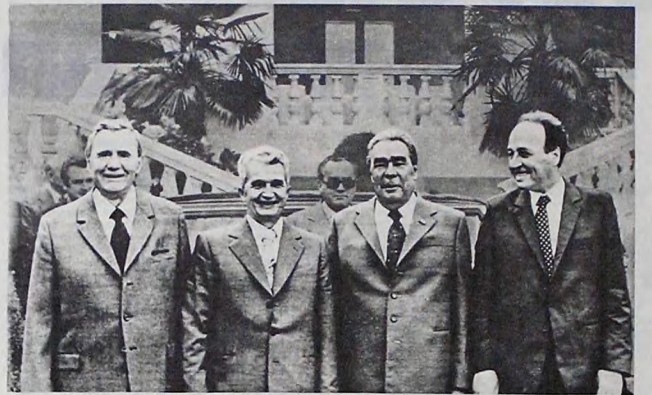
ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Н. ЧАУШЕСКУ

4 августа в Криму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем Румынской коммунистической партии, Президентом СРР Н. Чаушеску. Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску обменялись мнениями о состоянии и перспективах развития советско-румынских отношений, которые давно уже носят широким и основательным характер. Развиваются и крепнут связи во многих областях, в том числе столь важной, как экономика.

При том промышленном и научно-техническом потенциале, которым располагают страны — участницы Совета Экономической Взаимопомощи, сближение их усилий позволяет обеспечить выход на новые высокие экономические рубежи.

Товарищи Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску констатируют, что ход события подтверждает правильность оценок и выводов, содержащихся в документах майского совещания Политбюро ЦК КПСС, а также участников Варшавского Договора, которые служат хорошей основой для совместных действий братских стран. Они выражали решимость и впредь отстаивать разрядку, укреплять доверие и развивать политический диалог между государствами, принадлежками к различным социальным системам, продвигать повлечению мира, отстаивать права всех народов на независимое развитие.

Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску подчеркнули, что Советский Союз и Румыния выступают за проведение мирной встречи в деловом и конструктивном духе. Они счита-

Телефото В. Мусалляна (ТАСС)

ют, что ее работа должна быть сконцентрирована на выработке практических мер, призванных служить укреплению безопасности, сотрудничества и мира на европейском континенте. Важное значение имело бы принятие в Мадриде политического решения о созыве общеевропейской конферен-

ции по военной разрядке и разоружению.

Вывод также подчеркнута актуальность предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной проблеме нового экономического порядка и другим международным экономическим проблемам.

Встреча характеризовалась взаимопониманием и прошла в дружественной атмосфере.

Во встрече приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК РПД, министр иностранных дел СРР Ш. Андрей.

ПОЛЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКИПАЖА УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН

Космонавты Виктор Горбатко и Фам Туан возвратились на Землю

Космонавты В. Горбатко и Фам Туан после приземления.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

31 июля 1980 года в 18 часов 15 минут по московскому времени после успешного завершения намеченной программы совместных работ на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз-36» — «Союз-37» международный экипаж в составе астронавта Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Горбатко Виктора Васильевича и космонавта-исследователя, Героя Социалистической Республики Вьетнам Фам Туана возвратился на Землю.

Космонавты товарищи Попов и Роини продолжают работу на станции «Салют-6».

Спускаемый аппарат космического корабля «Союз-36» совершил посадку в заданном районе Советского Союза в 180 километрах юго-восточнее города Дизельзаван. Самолеты товарищей Горбатко и Фам Туана после приземления хорошие.

В ходе совместного полета на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-36» — «Союз-37» товарищи Попов, Роини, Горбатко и Фам Туан выполнили ряд технологических и научно-биологических исследований и экспериментов, подготовленных специалистами Советского Союза и Вьетнама при участии ученых других социалистических стран. По программе изучения природных ресурсов и окружающей среды международный экипаж проводил визуальные наблюдения и фотографирование земной поверхности, в том числе отдаленных районов территории Вьетнама. Космонавты были продолжены также эксперименты, начатые в предыдущих полетах экипажами с использованием научной аппаратуры, созданной специалистами стран — участниц программы «Интеркосмос».

Выполнение широкой программы исследований на орбитальном комплексе «Салют-6» — «Союз» позволило получить новые данные, которые будут использованы в интересах народного хозяйства и дальнейшего развития космической науки и техники.

Успешно завершенный космический полет убедительно свидетельствует о дальнейшем развитии научных и технических связей между Советским Союзом и социалистическим Вьетнамом, является новым ярким примером плодотворного сотрудничества ученых социалистических стран в мирном освоении и использовании космоса.

(ТАСС)

Е В РОС СМ В ПИ В ПЕР

Викентий МАТБЕЕВ

Суровые скалы Нордкапа и лагуны Средиземного моря. Просторы русских равнин и отовоеванные человеком у моря полосы земли Нидерландов. Древние центры цивилизации и городо-новостройки. Дымы уру и цитрусовые рощи Пелопоннеса. Народы большие и малые. Государства, строящие новую жизнь, и страны, чья система сформировалась столетия назад и демонстрирует ныне наиболее внутренние противоречия.

Европа. Континент, как никакой другой на нашей планете, испытывавший на себе бич междоусобицы, конфликтов. Континент, в центре которого и сейчас накоплены громадные арсеналы разрушительного оружия. Военный взрыв в таких условиях имел бы не только последствия для Европы, а для всего мира.

Июль 1966 года. Американская авиация начинает бомбить Ханой. СанCTIONS тучи спускаются над Индокитаем, отбрасывая свою зловещую тень на весь земной шар. В Бухаресте заседают Политический консультативный комитет государств — участников Варшавского Договора. В повестке дня — вопрос о принятии всеми заинтересованными правительствами согласованных мер для укрепления мира и безопасности в Европе. Выданное предложение о созыве с этой целью общеевропейского совещания. Реакция на Западе — неприкрытый скептицизм. Но социалистические страны и не ожидали восторженного приема, а были готовы к упорным усилиям для реализации своей исторической инициативы. И постепенно, шаг за шагом, в ходе улучшения отношений между нашей страной и Францией, а затем и с ФРГ, с другими странами Западной Европы готовилась почва для организации этой уникальной встречи.

Она открылась в Хельсинки 3 июля 1975 года. Семь лет понадобилось для ее подготовки. Впервые представители стран континента, а также США и Канады собрались за одним столом для обсуждения того общего, что должно объединять все государства, независимо от их общественного строя, вынестись, что нужно сделать в Европе для защиты устоев мира, налаживания равноправного сотрудничества в разных сферах человеческой деятельности.

И вот 1 августа 1975 года. Дворец конгрессов «Финляндия» в Хельсинки. Позади — кропотливая работа, продолженная участниками общеевропейского совещания. Разработана детальная хартия мира и сотрудничество для континента — Заключительный акт общеевропейского совещания. Руководители государств — участников совещания скрепляют своим подписанием этот исторический документ.

«Заключительный акт, как и Устав ООН, облегчает переход человеческой цивилизации на новые, более высокие уровни в международных отношениях», — заявил Л. И. Брежнев в ответе на вопросы редакции «Правды», опубликованных 30 июля нынешнего года.

Такая оценка дана в свете пятилетнего опыта действия хельсинских договоренностей. Качество любого сооружения проверяется наиболее основательно, когда оно подвергается нагрузке. Так обстояло дело сейчас. Возникнувшие круги империализма заделись целью испытать волю народов к миру, в том числе и добрую волю нашей страны идти дорогой разрядки и добрососедства. Их цель — отравить политический климат во всем мире, включая и Европу, ради подталкивания гонимых вооружением, раздувания военных бюджетов, для оказания давления на страны социализма к позиции «силы» — этой губительной смеси всецелостности, антикоммунизма, тщетности, несбы-

точность которой не убавляет, однако, пыла тех, кто ее питает.

В условиях оспариваемости международной обстановки, как отметил Л. И. Брежнев в том же интервью «Правде», значение итогов Хельсинки не уменьшается, а возрастает. В этом отношении Заключительный акт можно сравнить с хорошим волеизъявлением, противостоящим тому, что поднимает устои разрядки. Заключенный союзник «холодной войны» не смог охладить политическую атмосферу в Европе, а следовательно, не смог в роковой степени подорвать основы всеобщего мира.

В числе основных положений этого документа — пункты, подчеркивающие значение для дела мира взаимопонимания между народами, развития культурных, научных, спортивных и других связей, контактов между государствами, независимо от характера их общественного строя. Достойным вкладом в акти таких связей можно считать с таким успехом в Москве Игры XVII Олимпиады. А в Белом доме не могли слышать о них без жемчуж. Еще бы! Объявленный официально Вашингтоном «бойкот» Игр пополнил, как мы уже писали, Инициаторы «Бойкота» до сих пор не могут успокоиться. Они не постеснялись использовать годовщину подписания Заключительного акта для новой бражки по адресу участников Игр.

На счету нынешнего хозяина Белого дома и другие аналогичные заперты, эмбарго и тому подобное, чем он ознаменовывает

КТО ХОЧЕТ ПОХОРОНИТЬ РАЗРЯДКУ

Даниэль ЛЮЛИНСКИЙ, польский публицист

1980 год избилует круглыми годовщинами событий, которые оказали значительное влияние на международную ситуацию.

Победа над гитлеризмом и японским империализмом, одержанная 35 лет назад, создала предпосылки для формирования новых политико-территориальной реальности в мире: родилось государство социалистическое государство, усилилось национально-освободительное движение, распался колониальный системы. Расставшаяся с миром решительно изменилась в пользу социализма и мира, не страхе которых стоит говорить оборонная коалиция стран со-

циалистического содружества — Варшавского Договора. Его 25-летие мы отмечаем в мае в столице Польши.

Новая ситуация нашла свое выражение в договорах, подписанных в начале 70-х годов Советским Союзом, Польшей, ГДР и ЧССР с ФРГ, а также в четырехстороннем соглашении по Западному Берлину. Они открыли дорогу для развития и успешной работы Советского по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, которое закончилось 1 августа 1975 года в Хельсинки. 35 государств, участвующих в нем, единодушно приняли Заключительный акт, который стал не только великой хартией мира и сотрудничества в Европе, но и беспрецедентным кодексом взаимоотношений государств с различным строем во всех обла-

стях — политической, экономической, культурной. Заключительный акт, подписанный 33 государствами Европы, а также США и Канадой, был ярчайшим свидетельством достижений процесса разрядки, начавшегося на пороге семидесятых годов. Он также отразил понимание правящими кругами на Западе таких реалий, как возникновение равновесия сил между СССР и США в глобальном масштабе и между Варшавским Договором и НАТО в Европе. В этой ситуации нет ни разлуки, ни альтернативы разрядке. На противоположном полюсе может быть только апокалипсическое ракетно-ядерной войны и уничтожение человечества.

Выводные линии США и в некоторых странах Западной Европы не хотят примириться с небла-

приятными фактами: для империализма и неоконсерватизма перемены в мире и расстановкой сил. Это нашло выражение в использовании завоеванных и атлантических кругами двойной стратегии: формально одобрить принципы разрядки и в то же время концентрировать усилия, направленные на подрыв сплоченности стран Варшавского Договора, на то, чтобы запустить военный перевес над СССР и Варшавским Договором.

Идеологи империализма, неумолимо объясняют утрату своего влияния в различных регионах мира не объективными политическими и классовыми обстоятельствами, а народно — освободительным движением, в результате действий какой-то таинственной «рук Москвы» или коммунистическими заговорами. Империалисты терпя-

последние месяцы четырехгодичного пребывания у руля американской политики. И результат: за всю современную политическую историю США американцы еще никогда не были столь низкого мнения о главе исполнительной власти, как в настоящее время! Согласно итогам только что проведенного в США опроса общественного мнения, 77 процентов американцев дали отрицательную оценку деятельности Картера: посту президента и лишь 22 процента — положительную.

Первое же право человека — право на жизнь, на мир. Кто, казалось бы, будет оспаривать эту истину? Можно ли выступать за права человека и одновременно выступать против мир, дагов, ведущий к упрочению мира? Конечно, нет. Но именно так поступает г-н Картер, когда, располагаясь в своем выступлении в Белом доме на тему о правах человека, он утверждает, что на предстоящей в Мадриде осенью этого года встрече представителей стран — участниц общеевропейского совещания не следует уделять первостепенного внимания вопросам военной разрядки в Европе, проблема разоружения.

Без реальных сдвигов в этой области нельзя добиваться уменьшения военной угрозы ни в Европе, ни на других континентах. Так трактуя эту проблему наша страна, другие страны — члены Варшавского Договора, высказываясь за то, чтобы мадридская встреча должным образом обсудила комплекс вопросов, относящихся к делу безопасности в Европе, в том числе приняла меры для созыва конференции по вопросам военной разрядки и разоружения на континенте.

Какой подход находит понимание, поддержку у все большего числа правителей в Западной Европе. С трибуны в официальном Вашингтоне толкуют о том, что дело контроля над вооружениями — не задача мадридской встречи, а находящийся с визитом в СССР канцлер ФРГ Г. Шмидт, выступая 30 июня в Кресте, заявил: «Мадридская встреча может привести к принятию важных решений в области контроля над вооружениями».

Общие точки соприкосновения

ют возможность эксплуатировать, как прежде, важные с точки зрения сырья государства и целые регионы. Ведь не секрет, что нынешняя уравниловка благосостояния многих развитых стран Западной Европы является благодаря «переломным ценностям из былых колониальных или зависимых территорий».

Стремись строить свои взаимоотношения с социалистическими странами «с позиции силы и желая обрести стратегическое восхождение над СССР, империалистические круги уже спустя два года после подписания Заключительного акта в Хельсинки предприняли попытки распространить нейтронное оружие. Президент Дик Картер за несколько месяцев до шумихи, поднятой вооруженными силами, высказался за так называемое дооруживание НАТО, то есть за производство и размещение в Западной Европе, главным образом в ФРГ, нового американского ракетно-ядерного оружия

двух стран по этому вопросу выявились и во время переговоров в Варшаве Л. И. Брежнев с президентом Франции Жискар д'Эстеком.

В то время как в Вашингтоне пытались и годовщину подписания Заключительного акта использовать для негативного впечатления, наша страна объявила о полном выполнении принятого СССР по согласованию с руководством ГДР и после консультаций с другими государствами — участниками Варшавского Договора решения о выходе с территории ГДР 10 тысяч советских военнослужащих, тысяч танков, а также определенного количества другой военной техники. Вывод этих сил завершился так: с верой в мирное будущее Советский Союз отметил пятилетнюю годовщину хельсинкских договоренностей! Приемательской чертой последних лет в отношениях между европейскими государствами с различным общественным строем является заключение между ними рассчитанных на длительный срок — на десятилетия — соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Такие соглашения подписаны нашей страной с ФРГ, Францией, другими западноевропейскими странами.

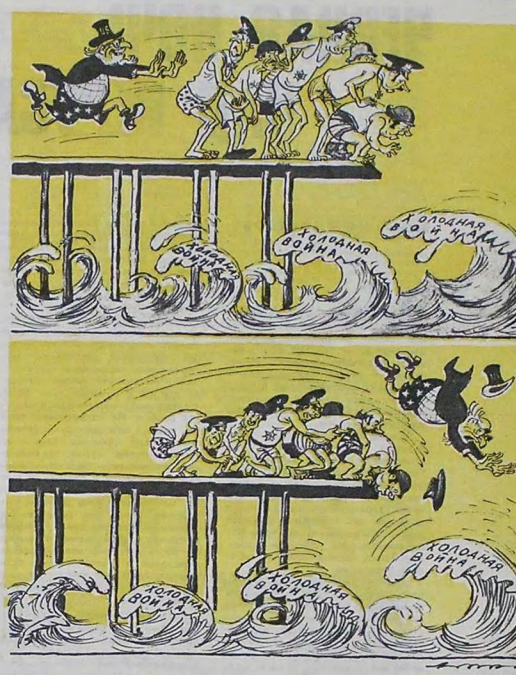
Много достигнуто, еще больше предстоит сделать. Прежде всего необходимо оградить европейский мир от серьезных опасностей, исходящих от плана НАТО по размещению в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия. На это будут направлены в предстоящие месяцы усилия нашей и других социалистических стран. На очереди — переговоры по комплексу этих вопросов с правительством нашей страны. На очереди — достижение договоренности на венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил в вооруженной в Центральной Европе. На очереди — созыв общеевропейских совещаний по вопросам энергии, транспорта.

Европа вступила в 80-е годы, имея в активе ценный портфель совместных акций во имя мирного будущего. Это хороший пример для других континентов, для всего человечества.

средней дальности. Новое оружие должно сыграть — с учетом географии европейского континента — роль стратегического оружия. При его помощи НАТО мог бы поработать европейскую часть Советского Союза.

Своеобразную точку над «и» поставила декабрьская сессия НАТО по вопросу производства и размещения в Западной Европе нового ракетно-ядерного оружия, что направлено на подрыв существующего равновесия. Это решение угрожает безопасности всех народов.

Дипломатические усилия стран Варшавского Договора, направленные на разрядку, с пониманием были встречены реалистическими максималистскими государственными деятелями в Западной Европе. По инициативе и при участии Эдварда Герке в середине мая в Варшаве состоялся встреча Л. И. Брежнева с президентом Франции В. Жискар д'Эстеком, которая да-

Многие страны НАТО, несмотря на нажим и диктат США, не хотят возвращаться к временам «холодной войны».

(Из газет)

СТРАНЫ НАТО УКЛОНЯЮТСЯ ОТ ДИКТАТА...

Рисунок М. АБРАМОВА

ла новый импульс разрядке и преврала многомесячный застой в диалог Восток — Запад. Несколько позже в Москве состоялся переговоры канцлера ФРГ Г. Шмидта с Л. И. Брежневым, которые способствовали возобновлению диалога по вопросам разоружения. Силам антиразрядки не удалось также заблокировать путь к конференции в Мадриде, где осенью этого года должны встретиться представители стран, подписавших хельсинкские Заключительный акт. Социалистические страны выступают за то, чтобы эти переговоры не перешли в конструктивную дискуссию, служащую дальнейшему углублению процесса разрядки.

На ней должно быть принято решение о срочном созыве конференции по вопросу военной разрядки и разоружению в Европе, как это предлагалось государствами Варшавского Договора. Известно также, что Эдвард Герек пред-

ложил на VIII съезде ПОРП провести эту конференцию в восставшей из руин Варшаве.

Отношение Запада к этим инициативам можно считать мерным его правдоливости.

Социалистические страны остаются верными своей позиции. Они считают, что в военном противостоянии, а к диалогу, но не позволяют нарушить своей безопасности.

Улучшение ситуации в Европе и во всем мире не наступит быстро и без упорной борьбы с силами антиразрядки. Участники встречи европейских коммунистических и рабочих партий не наступили быстро и без упорной борьбы с силами антиразрядки. Участники встречи европейских коммунистических и рабочих партий не наступили быстро и без упорной борьбы с силами антиразрядки. Участники встречи европейских коммунистических и рабочих партий не наступили быстро и без упорной борьбы с силами антиразрядки.

Польское агентство «Интерпресс»

ИЗМЕНА НАД ИЕРУСАЛИМ

Василий КОНДРАШОВ

У этого древнего города нелегкая судьба. В далекие времена его стены штурмовали римские легионеры, на приступ шли мамлюки, крестоносцы, звали Иерусалим и другие завоеватели — английские колонизаторы. В наши дни он снова томится под пятой оккупантов. Сюда пришли израильские захватчики.

Пришли еще в 1948 году, оккупировав часть города в ходе агрессивной войны, развязанной Тель-Авивом против арабов. Сионистские воины, захватив западную часть города, объявили его своей столицей. А спустя почти двадцать лет Тель-Авив удалось установить контроль над всем Иерусалимом. На древний город опустилась черная ночь израильской оккупации.

«Сначала мы возьмем землю, закон придет потом», — так с откровенным цинизмом захватчика говорил в то время один из представителей израильской администрации Иерусалима. И земля действительно взяла — ее силой отбирали у арабов. Что же касается закона, то в Иерусалиме и по сей день царит беззаконие.

Беззаконие, которое пришло в этот город с первым израильским солдатом. Еще в те далекие сороковые годы оккупанты поставили перед собой цель — «очистить» город от арабского населения. В ход шли излюбленные средства израильских властей — угрозы, шантаж,

открытый террор. Сионисты не останавливались и перед применением оружия: в апреле 1948 года захватчики вырвали из недр расположенной в западных предместьях Иерусалима деревни Дэйр-Ясин — около двухсот человек.

Затем начался бурный процесс принудительной иудизации Иерусалима. Были снесены сотни мечетей, различия палестинского мусульманской истории и культуры, школ, магазинов, жилых домов. Из города с нажитых мест были насильственно изгнаны десятки тысяч арабов. На захваченных землях срочно возводили кварталы зданий, где селились еврейские иммигрантские семьи, размещались израильские правительственные учреждения и фирмы. Новые районы, населенные израильтянами, начали окружать древние городские стены так называемым поском «безопасности». Нагнетая обстановку, израильский премьер М. Бегин объявил, что он решил перенести в восточную, то есть сионскую арабскую, часть города и свою канцелярию и зал заседания правительства.

Последний провокационный шаг был сделан Израилем в конце прошлого месяца. Кнессет (израильский парламент) в первом чтении одобрил законопроект о провозглашении Иерусалима главным городом сионистской вотчины. Иерусалим становится столицей Израиля на вечные времена, «до конца мира» — возгордались сионистские оккупанты. «И точно так же, как неделим Вашингтон, столица США, так неделим Иерусалим», — напыщенно провозгласил Бегин.

Израильский премьер, видимо, не забывал упомянуть Вашингтон. Нынешняя американская администрация прилагала немало усилий для обострения взрывоопасной обстановки на Ближнем Востоке, что в немалой степени способствовало незаконной аннексии Иерусалима.

Кэмп-Дэвид. В арабских странах с горечью и проклятиями вспоминают название летней резиденции президентов США. Ведь именно здесь было совершено самое большое предательство против арабских стран. Инспирированная американской дипломатией сепаратная сделка с Израилем, на которую так охотно пошел президент Египта Садат, развалила руины сионистским агрессорам.

Чувствуя поддержку своих американских покровителей, Тель-Авив расширял агрессию против Ливана. Израильская военщина поддерживает самые реакционные силы этой страны, преследует свои экспансионистские планы в отношении юга Ливана. Сделка в Кэмп-Дэвиде подтолкнула израильских экстремистов на новые акты террора, полицейского произвола и геноцида на оккупированных Тель-Авивом арабских землях.

Аннексия Иерусалима не случайно называют тоже кэмп-дэвидской сделкой. В высшей степени примечательно и то, что решение несется было принято в период, когда между Израилем и Египтом продолжались переговоры о так называемой «палестинской автономии», переговоры, на которых Тель-Авив с самого начала занимал высочайшую неконструктивную позицию. В Израиле хорошо понимают, что Кипр, сделавший первый шаг по пути предательства арабской нации, неминуемо пойдет и на дальнейшие сделки. Решение же кнессета об Иерусалиме призвано показать, что позиция Израиля в несомненном торге с Кипром прочна и неизменна. В сакральные израильские круги это решение называют, как сообщают печатать, «пощечины Багдату».

А в Кипре (а который уже раз!) терпеливо снесли и этот удар. Нет,

правительство Египта, несмотря на горячие заверения в своей преданности делу арабов, а также туманные заявления о намерении в знак протеста немедленно отозвать своего посла из Тель-Авива и отказаться от продолжения переговоров с Израилем, по так называемой «палестинской проблеме», отнюдь не спешит перейти от слов к делу. Комиссия Народного собрания АРЕ по арабским делам формально осудила решение кнессета и лицемерно призвала и мусульманские и другие страны занять «твердую позицию» в отношении этого шага Израиля.

Совет Безопасности ООН, собравшись 30 июня на свое срочное заседание, вновь подтвердил, что все принятые Израилем законодательные и административные меры, направленные на изменение характера и статуса Иерусалима, не имеют законной силы. Ясная, четкая и справедливая позиция. Казалось естественным, что она должна была получить поддержку всех членов Совета Безопасности. Но этого не произошло. Из 11 постоянных и многих прочих участников подобного рода, поддержать эту резолюцию отказались представители США.

Ничего удивительного! Такова уж обструкционистская позиция Вашингтона, который всегда берет под свою защиту израильских экстремистов и, как всегда, бы провокация или прибрегали! И на этот раз США откровенно показали, что они находят это в стороне от интересов, которые означают бедную военную, политическую и экономическую помощь, и поэтому в немалой степени и орудием за их же собственную аннексию Иерусалима, и за продолжающуюся оккупацию сионистами арабских земель.

Законопроект о провозглашении Иерусалима «неделимой столицей» Израиля толкает сионистские политики на чрезвычайную специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу. Бегин подкрепил этот факт, сказав, что решение о Иерусалиме явилось реакцией Израиля на дебаты по палестинскому вопросу в ООН. И снова поражают наглость и цинизм израильских властей. Громадное большинство государств мира требует от Израиля прекращения сионистской политики, а Тель-Авив не только демонстрирует свое упорное сопротивление, но и пытается от курса, который уже неоднократно приводил в страд в ООН сама выступила в поддержку Тель-Авива. Естественно, что данный политический шаг Израиля — США были в их числе.

Протесты против произвола действий Израиля доносятся из самых различных уголков мира. С осуждением израильских шагов выступил и Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм. Не должно предприниматься никаких шагов, подкрепленных на пути достижения всеобъемлющего, справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

Бросающий вызов мировой общественности, Израиль показывает, что он любой ценой стремится помешать установлению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. Тель-Авив уже более тридцати лет грубо нарушает принципы Устава ООН и игнорирует решения ООН. Не приходится говорить, насколько опасен такой курс для дела мира. Ответственность же за это ложится на Израиль и те международные круги, которые покровительствуют вонустующим сионистам.

Так израильские солдаты обращаются с жителями своей новозаявленной столицы.

Уже третье поколение палестинцев живет в изгнании.

ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ

15 августа — 35 лет со дня освобождения Кореи Советской Армией, национальный праздник Кореи — Народно-Демократической Республики.

Праздник урожая в кооперативе «Огуи», одном из передовых хозяйств республики.
Фото ТАСС

Ласковое прозрачное утро, какое бывает, наверное, только в стране Утренней Звезды, застанет нас в пути, если отправиться в Пхеньян поездом из портового Вонсана. И вы не отворитесь от окна. Солнце вспыхнет медью в сосновых рошчах, позолотит черепичные крыши белых опрятных домов корейских селений, закружится в бесконечных лентах оросительных каналов, в росистой зелени дальних орошаемых полей.

В Музее корейской революции я видел и другой пейзаж: глинистые чинчи, крытые мухой соломы, разделенные выжжеными крохотные поля, а на их волю, вприпрыжку в деревенские сохи. Сюда, пролетом крови и пота, чтобы сегодня цвела эта земля! Народной Корее шел всего второй год, когда мирный труд был перерван американской интервенцией. Республика встала, люди вернулись к мирным заботам. Одной из главных была земля. Трудовая партия Кореи указала крестьянам верный путь из мук — кооперативы, социалистические преобразования. В 1958 году коллективизация уже была завершена.

Ныне страна поставляет дары полей и садов на экспорт, в том числе в Советский Союз. В пять раз увеличился сбор зерна за годы независимости, в том числе в Советский Союз. В пять раз увеличился сбор зерна за годы независимости, в том числе в Советский Союз. В пять раз увеличился сбор зерна за годы независимости, в том числе в Советский Союз.

Вы не увидите тут клочка пустыющей земли. Крутобокие сопки, горные склоны и те опоясаны лесными рисовыми плантациями и фруктовыми садами. Славится в республике кооператив «Хари» в провинции Южная Пхеньян. Это здесь пять лет назад дана была территория — горы. Подсчитано, что на каждого жителя КНДР приходится участок в три гектара. Но не все так просто. Горы — это горы. Горы — это горы. Горы — это горы.

Трудящиеся республики выполняют задания второго пятилетия. Идут наступательные работы. Идут наступательные работы. Идут наступательные работы. Идут наступательные работы. Идут наступательные работы.

В 1978—1984 годы. Он намечает довести годовое зерно с 10 миллионов тонн. Рублем будет плат, как ни труднее корейская ценная. Сельскохозяйственный сектор экономики КНДР. Деревья полностью электрифицированы. В 1950 году открылись первые линии машинно-транспортных станций, сегодня на каждые сто гектаров пашни приходится 5—6 тракторов. Густая сеть водохранилищ и каналов позволила побороть засухи и наводнения. Только Пхеньянская иригационная система оросила сто тысяч гектаров занятых полей. Сооружена она с помощью Советского Союза. Онолоповыми потребностями в стране минеральных удобрений поставляет комбинат в Хамхыне, построенный при участии СССР. Первый корейский трактор, выпущенный в Кимсоне и 7 ноября 1958 года, был собраном нашего «Владимирца».

Корейский народ дорожит отношениями дружбы и сотрудничества с Советской страной. Это чувствуется в том внимании, с каким принимает здесь гостей из СССР. Об этом говорит и заботливо ухаживающие обелиски в городах и селах КНДР. На одном из них, в Пхеньяне, на высоком берегу Тхонгана, вы прочтете слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой Советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше скреплена узды дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник».

Б. ЛАБУТИН

ВЫЖИВАЮТ

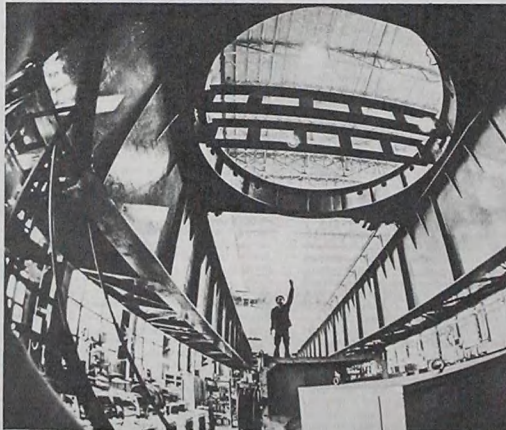

Хорошей новостью порадовало болгарских друзей труженики Ленинградского завода подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова. Они досрочно изготовили и отправили на Кривопальский металлургический комбинат мощный мостовой кран — ему предстоит перенести раскаленные заготовки в технологические линии листопрокатного стана.

Кран оказался юбилейным — на заводе за полвека собрано 10 тысяч стальных богатей. И вместе с тем мостовой кран открыл цикл трудовых подарков коллективу к XXVI съезду КПСС, став деловым ответом на призыв бригады лауреата Государственной премии СССР И. В. Захарова из производственного объединения «Кировский завод» — продолжать ударную ленинскую вахту до конца года. Этот призыв широко поддержали все ленинградцы. Соревнуясь под девизом «От высочайшего качества работы каждого — к высочайшей эффективности труда коллектива», уже 200 тысяч рабочих города и области завершили свою трудовую пятилетку, свыше 280 объединений и предприятий достигли роста объема производства и производительности труда, предусматриваемых на конец пятилетия.

Встав на предсезонную вахту, краностроители дали слово выполнить пятилетку к 7 ноября. На 6,5 миллиона рублей сверхплановую продукцию будет выпущено к этому дню.

Немало уникальных изделий на счету лидеров социалистического соревнования свердловчан В. Мисюкова, обрубшца А. Паромово, токаря А. Радкова, слесаря-электромонтажника В. Ильева и других. Подъемные механизмы с ленинградской маркой отлично проявили себя и на строительстве плотины Санюк Шувенской ГЭС и в экстремальных условиях выжископированной экспедиции автомобиля «Сибирь». Сейчас ничто производством самого мощного в мире грейферно-букерного пере-

На сборке очередного мостового крана для Болгарии.

Фото Ю. Щенникова

грузачка, способного перерабатывать до 16 вагонов сыпучих материалов.

Характерная черта предприятия — здесь практически не выпускают серийную технику. Каждый очередной механизм, как и большинство из десяти тысяч уже изготовленных, рождается по оригинальному проекту, что, безусловно, создает заводу дополнительные трудности. Тем не менее ленинградцы уже че-

тыре года планомерно в Вsesоюзном социалистическом соревновании Колдана принла новые, повышенные обязательства: по дню открытия сюда будет досрочно изготовлено три порталных и два мостовых крана.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собор «Открытая»

Ленинград.

ПЕРВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Савелий ЯМЩИКОВ

Две художественные выставки старинных русских портретов, прошедшие только что в Москве и Ярославле, не только плод десятилетнего труда реставраторов, искусствоведов и музейных работников, но и открытие в современной отечественной культуре. Открытие — слово броское, ответственное, и употребить его надо с осторожностью. Иногда с этим словом отождествляют случайную находку, счастливое совпадение обстоятельств. Конечно, иногда ценнее произведение искусства можно найти и в сарае, как это было со знаменитыми звенегородскими иконами кисти Андрея Рублева. Но, как правило, открытия происходят в результате кропотливых исследований и настоящего старательского труда.

Десять лет назад директор Костромского художественного музея Виктор Игнатьев обнаружил в запасниках краеведческого музея старинного русского города Солигалича интересные холсты ранее малоизвестного живописца Григория Островского. Игнатьев прислал меня в Солигалич. Музеи, где хранятся картины, являя собой печальное зрелище: в сиром, можно сказать, заброшенном помещении драгоценные холсты находились под толстыми слоями пыли, некоторые были так обветшавшие, на многих картинах был частично утрачен красный слой. Требовалось оперативное вмешательство. И оно было осуществлено нашими реставраторами.

Вот с открытия Григория Островского и началось методичное и научное обследование музейных фондов старинных городов России — Переславля-Залесского, Ростова Великого, Смоленска, Саратова, где было отобрано несколько десятков портретов известных и безвестных русских художников, представляющих интерес исторический, этнографический и художественный. От Григория Островского потянулись вереница и других забытых прекрасных мастеров — Дмитрия Коренева, Явана Тарханова, Николая Мильникова, Павла Колендаса и еще нескольких не менее даровитых, но безымянных живописцев. Наконец, с открытия Островского, я думаю, начинались и эти две выставки, московская и ярославская, где в общей сложности было представлено более двухсот портретов из провинциальных музеев — типичная работа реставраторов, целый пласт русской истории и жизни. Целое потерянное но недавнего времени звено отечественного искусства. Ибо, неизмеримо уступая блестящим коллекциям Русского музея и Третьяковской галереи, портретные отделы провинциальных музеев нередко обладают первоклассными образцами.

Так уж случилось, что одному из прекрасных произведений Рокотов — «Женщина в полах» в Смоленске, что лучшие портреты Вишнякова экспонированы в Рыбинске, а прехвосодные изображения кисти Антропова принадлежат музею Новгорода и Саратова. Но ведь наследие эпохи складывается и состоит не из одних только значительных явлений. Нельзя оставлять без внимания и более скромные свидетельства деятельности талантливых художников, которые внесли свой вклад в общее развитие национальной культуры. Озаренные светом шедевров Рокотова, Лавинского, Кипренского, Венецианова, Боровиковского и Тропинина, они тоже вносят свой вклад в это наследие, эту культуру. Под лейтмотивом, смысл, являющийся выставкам. Потребовались годы кропотливого труда И. Кулешиной, Л. Юровой, С. Пенкина, которые разобрали бесчисленные картонки, провели атрибуции, архивные исследова-

ния по постановлению имен забытых художников. Понадобились годы подвижнического труда замечательных мастеров — С. Голушиной, В. Танаева, В. Егорова, М. Фурдик, Н. Кошкиной, Н. Маренникова и других, чтобы краски на картинах вновь расцвели и засверкали. Нужны были неслыханные усилия разделения культуры, чтобы выставки могли быть организованы и открыты.

Итак, что за живописцы на них представлены? Тут именно совокупность мастеров, их цель, протиснувшаяся во времени, дает исчерпывающий ответ.

Художники Древней Руси последовательно придерживались неизменных канонов. Пластическая система иконописи исключала всякую возможность личностного изображения. Однако кто находил силы, в ком был негашим дар, тот достигал подлинных высот совершенства формы, колорита и характеристик человека. Живописцы второй половины XVII века, осваивавшие навыки «парусного письма», художники петровского времени и выдающиеся портретисты XVIII столетия всегда черпали из неиссякаемого родника иконописи, создавая перед нами замечательно лучшее, что было создано ее крупнейшими представителями.

Вот, например, «Мушкетер» из Калининградской галереи. Он напоминает в деталях иконы «иарышского» барокко, но детали эти выглядят второстепенно рядом с неповторимым обликом человека, изображенного. Облик — это достоинство. Золотые позументы на нарядном камзоле не мешают восприятию главного — надолго запоминающегося живого взгляда портретируемого. А как изумительно он выглядит перед нами эмоциональное состояние в портрете Афанасия Прокопьевича Радцаева! Дед писателя-революционера изображен в лагерьном костюме, с атрибутом власти в руках, и здесь живописец уделяет мало внимания аксессуарам. Он вкладывает всю душу, весь свой талант в создание глубоко индивидуального образа.

Некоторые русские портреты XVIII века, написанные для сельских усадеб, прекрасны. Собрание Псковского музея включает два замечательных портрета петровского времени. Небольшой холст с погрудным изображением Петра I некоторые исследователи приписывают самому И. Н. Никитину, хотя об этом в каталогах рядом с фамилией автора ставится знак вопроса. Прехвосоден портрет Е. А. Долгоруковой, княжны, великокняжеской красавицы, невесты Петра II. Палитра неизвестного мастера ограничивается скучным набором красок, но сколько здесь свечения, серебристости, мерцания.

В начале второй половины XVIII столетия создается огромное количество портретов, строгих и уродливо красивых, введя высокие покровы, в гостиниц шифоновые боты, портреты делов на запястьях для потовства свою персону. Не всякому заказчику возло на мастеров класса Вишнякова, Антропова, Островского или Ариничева, но средние авторы, мастера безымянные, были неуверенные живописцы. На выставке в Москве представлялись портреты этого времени, необычайно привлекавшие одновременно и своей неизвестностью, и выказанной простотой живописной трактовки, и незамысловатостью повествования, и убедительной силой психологического воздействия. В Тартуском музее, например, замечательный в 1756 году Микой Колокольниковым, и братья Языковы, капитан-командир И. М. Клементьев и некий Никита Иванович Кожин, увековеченные Федором Гаврило-

вым, — все они предстают перед нами людьми поставленными друг на друга. При соизмерении этих портретов сразу виден определенный схематизм композиционного построения, строгая иконописная неподвижность поз. Но обо всем этом забываем, тогда смотрим на лица — не великих героев и не громких личностей. Это о них говорил Акасов в «Семенной хронике»: «Прощайте, мои светлые и темные стороны, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и темные стороны, люди, в которых есть и доброе и худое». В тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша вноющая и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытны и поучительны для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков. Вы были такие же действующие лица влпотицы асимметричного зрелища, с незапамятных времен представляемого человечеством, так же добросовестно разглагольствуя свои роли, как и мы. Имена авторов большинства портретов XVIII века и даже века XIX нам неизвестны. Не всякому художнику судьба даровала признание и заслуженные вавры при жизни. Далеко не каждый из нас отнеслся к своему крепостному мастеру с уважением, не каждый был истинным ценителем прекрасного. Как само собой разумеющееся он принимал мастерство дворового художника, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант.

Имена авторов большинства портретов XVIII века и даже века XIX нам неизвестны. Не всякому художнику судьба даровала признание и заслуженные вавры при жизни. Далеко не каждый из нас отнеслся к своему крепостному мастеру с уважением, не каждый был истинным ценителем прекрасного. Как само собой разумеющееся он принимал мастерство дворового художника, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант. Поднявшись вселильной модой, помещая заказчиков, художники, подчас не подозревая, какой тому отпущен огромный талант.

Коренев — очень крупный художник. Он тяготел к большому искусству, даже подражал ему, но внешне стилистика гармонично сочетается у него с местными традициями, какой-то простотой и наивною в отношении моды, с тонким наблюдательностью. Таков модный купец Кукунов: представительная поза, величественный жест руки, торжественные драпировки скрывают здесь с простотой родности костюма, скромности интерьера и сдержанности чета.

«Стихийный реализмом» называют тому эту непревзойденную, быть может, несравнимую улогодную картину. Тарханов — манера живописания. Ветростю, самым блестящим из провинциальных художников, тех, кто составил это понятие, был мастер первой половины XIX века Николай Языков. Его творчество требует отдельной выставки, для которой, кстати, уже сегодня собирается материал.

Мильников — творец тонкий. Глядя на его работы, испытываешь огромное чувство, как до этого основывая на технику и внимательно изучал натуру. Пример тому — написанный в 1827 году «Портрет купца Николая Степановича и Софиевой», и Женский портрет, кото-

Ф. Рокотов (?). ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ. 1770-е годы.

Неизвестный художник. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. Первая половина XVIII века.

рые выделяются законченностью и отменностью исполнения, философской и смысловой, тонкой психологической характеристикой, что довольно редко встречается в вещах, вышедших из-под кисти провинциальных мастеров.

Чрезвычайно талантливым был Иван Тарханов, то ли в оправдание своего несовершенства, то ли, наоборот, из гордости делавший на обороте холста обязательную притиску: «копеечный регистратор». Сюжет и композиция в Ярославской купеческой семье Сурных — бесценная хроника жизни уездного русского города.

Особое место на московской и ярославской выставках занимал детский портрет. Мир ребенка чрезвычайно. В нем все строится на открытости, душевной непосредственности, простоте и гармонии. Именно так, в своей непрезоданной ясности предстают он в работах Павла Колосады. Три портрета детей Темерных — замечательное явление русского портрета середины XIX века.

Наши выставки несут важнейшую просветительскую миссию, расширяют, так сказать, географические границы искусства. Его любители теперь едут за сотни километров, чтобы увидеть заинтересовавший их памятник, уникальное произведение. Все чаще и чаще вдалеке краях встречаем мы восторженных почитателей культуры, которые заботятся о сохранении местных достояний. Они делают это, чтобы периферийный музей имел свое лицо, свои шедевры.

Творения «малых» русских мастеров, долгое время находившиеся в незаслуженной безвестности, свидетельствуют о высоком классе портретной и пейзажной живописи в XVIII и XIX столетиях. Знакомство с ними оставляет незабываемое впечатление. Происходит встреча с искусством искренним, гуманным, чуждым внешних эффектов, эмоциональным, потому живым и по сей день. Возьмем портрет фельдмаршала Захара Чернышева. Здесь не изображен блистательный вельможа екатерининского двора. Художник предстает перед нами просто, надевая своего героя черты непосредственности, напоминающей rokokovские портреты.

Наш старинный портрет по многим определял развитие других жанров искусства и отечественной литературы. Реалистические тенденции, интерес к человеку, свободная трактовка образов и сюжетной стороне в сочетании с хорошей школой и профессиональной выучкой — все это привело к замечательным результатам. Художники умели увидеть самое характерное в человеке, рассказать о нем живо и непосредственно.

Портреты этого времени во многом близки классическим произведениям русской литературы. Разве не похож на Петра Гринёва молодой человек в красном кафтане на полотне из Новгородского музея? Талантливый живописец Верзилин Меншова, написав в 1787 году портрет Пастернака, не предостерёг ли героине «Старосветских помещиков» или «Мертвых душ»? Пастельные портреты четы Свербильских словно списаны с помещиков, собиравших ехать на юг к Карамзину, а близкий к ним портрет Алексея Самарина мог позволить герою романтических сочинений Карамзина и Жуковского. Такие совпадения с литературными образами не случайны. Они объясняются общностью художественного мышления. Интересы живописцев и литераторов устремлены к реальному бытию, их творчество исследует жизнь и судьбы людей.

Вновь открытые холсты, заново прочтенные судьбы их создателей дают богатейший материал для изучения истории отечественной культуры. Конечно же, местные художники не оставили шедевров, равных творениям Рокотова, Лавицкого, Венецианова, Кипренского и других, но без их наследия невозможно представить полную оценку нашего искусства. Они запечатлели многих славных своих соотечественников. Запечатлели их душу, внутренний мир, а не восторг настоящего искусства, которое под силу лишь неповторимым талантам.

Достоевский писал: «В редкие моменты творения человеческого лица выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он рисует...»
Москва — Ярославль.

ШОЛОХОВ НА СЦЕНЕ МОЛДАВИИ

Постановка «Тихого Дона» на сцене республиканского, русского драматического театра имени А. П. Чехова — первый опыт воплощения шолоховского романа на сцене Молдавии.

Это спектакль — эталонная работа театра. Героико-романтическое, масштабное полотно явилось событием и культурной жизнью республики, важной вехой в освоении театром советской классики.

Для театра имени А. П. Чехова обращение к Шолохову представляло определенные сложности: жанр народной драмы, языковая палитра; театр народного драмы, языковая палитра; театр народного драмы, языковая палитра; театр народного драмы, языковая палитра.

В спектакле много антраксов: усадьба Григория и Аксиньи в исполнении молодых артистов К. С. Станиславского, искусственным детством искусства РСФСР Я. Цинципович, — это расказ о сие Ленинской революции, о донском казачестве.

Особенно хочется отметить мастерство артистов старшего поколения, которые и в эпизодических ролях отождествились с полной творческой самоотдачей.

А. ЧЕРНИСКАЛ
Фото Г. МАКОРЕСКУ

Сцена из спектакля.

КОНКУРС СТРОКА В БИОГРАФИИ СТРАНЫ УЧАСТНИКОВ

В четырех километрах от платформы Чупринино, Октябрьской железной дороги, в деревне Помыного живет Иван Иванович Булахов. Персональный пенсионер, ветеран партии с довоенным стажем, педагог (в одной местной Чернышевской сельской школе он тридцать лет преподавал историю и географию). Ему уже за восемьдесят, и нельзя сказать, что он бодр телом. Вадя низкий, прохаживает — не по прямой. Но бодрость его духа несопоставима, не смотря на все выпавшее из его долю испытывать за вспыхивающий юношеским огнем, потому что есть о чем вспомнить, есть чем гордиться.

Влюбленный в свое дело учитель и активист общественной жизни, он в детстве для народа гонимый стал комиссаром партизанского отряда.

Еще не так давно Иван Иванович приезжал рассказывать ребятам соседнего района, где базировался отряд, о действиях народных мстителей. Как минировали дороги, закрывали оккупантам, овладевшим городом Калининском, путь на Москву, и уничтожили до 120 захватчиков. Как его ученики, шестиклассники, помогали партизанам скрывать и ликвидировать предателя Родина.

Понимая, затихающее дыхание, слушали рассказ учителя истории, который не только преподавал историю, но и теория вместе со своим народом. И любознательные бегавшие на его груди орден Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и другими наградами Родины.

Когда в июне прошлого года торжественно отмечалось 90-летие Чернышевской школы, выяснилось, что учитель истории не выпускник этой школы и при этом признавался, что он не учитель истории, трудящийся в школе директором школы Иван Иванович Булахов.

Но И. И. Булахов не только участник гражданской войны и партизанский командир Великой Отечественной, но только педагог по призванию, но и увлеченный педагог. Вадя не только не предания создать в Доминанте музей, посвященный русскому писателю Александру Сергеевичу, но и при поддержке партии и правления города имени ХХI века КПСС эту прекрасную идею превратил в жизнь.

Сильно было хлопот! Зато как радостно было на торжестве открытия музея представлять

ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ

слово представителю Государственной Третьяковской галереи, Ленинградского отделения Союза художников, областных и районных организаций, благодаривших его за труды неустанный, а потом разрешил красную телеку, которую бережно хранится в семейном альбоме. И затем три раза в неделю на общественных началах он ходил за четыре километра от города, чтобы встретить экскурсантов и отдельных посетителей, которых здесь всегда немало. Вадя находил интересно побывать там, где создан такой шедевр русской живописи, как картина «Девушка, освещенная солнцем», и многие другие произведения прекрасного художника.

Доброе здоровье тела и долгих лет жизни, борясь за народное счастье, неустанный труженик и деятель — дядя, дедушка — родной учитель Иван Иванович Булахов!

Калининская область.
И. И. Булахов с пионерками.

Б. МТИНКИН

ВОСЕСЕЛ СИБИРЬ РАПС

Восточным районам — комплексное развитие. Призыв этот принят близко к сердцу советским людям. Изыскаются новые местные резервы для развития экономики этих районов, в частности, растущего животноводства. А возможности в этом деле велики: повышение плодородия, селекция, внедрение более перспективных культур и сортов.

Об одном таком резерве рассказывается в публикуемом материале.

Помните поздняя осень поезда по степи южных районов Красноярского края. Огари овец неоготто роис, в потемневшем живине, медленно продвигались по давно убранным полям.

Зрелище в общем-то грустное, — сказал — сдвигая радостно зостехник из Хакасии. — Но привычно. Так было и сто лет назад. Овца — ковенчик. Содержать ее в кошаре все девять зимних месяцев накладно. Кормов и так мало.

Позже, в Ужурском районе, увидев такое, что не поверили своим глазам: среди унылых полей стали встречаться большие зеленые острова. Овцы, разгнанные, остопо подвигали корню аыскую зеленую траву.

— Это рапс, — пояснил повеселевший зостехник. — Признаться, я не думал, что и маленькой опытной деланки дело дойдет до обширных полей. Рапс недавно у нас появился.

Рапс действительно новая культура в Восточной Сибири. Появление его здесь не дань моде, но жизненная необходимость для зоны критического земледелия.

Жизнь действительно требует увеличивать поголовье скота. Но как сделать огромные пастбищные угодья высокопродуктивными? Какие кормовые культуры нужны? Изучением подобных вопросов занимается Ужурская опытная станция. Директор Виктор Михайлович Залеский, его заместитель по науке Валентин Иванович Мудров и заведующий отделом кормопроизводства Виктор Дмитриевич Медведев немало потрудились, чтобы уберечь рапс от вредителей и сорняков.

В. Д. Медведев и кандидат сельскохозяйственных наук Владимир Исакович Брикман работали с рапсом, будучи еще в Читинской области, а продолжая здесь, — на Ужурской опытной станции. Переезжая лет пять назад в Красноярский край, ученые взяли с собой семена рапса. Об их сохранности тревожились, наверное, больше, чем о личном имуществе. К тому времени Брикман и Медведев создали сорт восточносибирский.

— Стоит ли рассказывать, — говорил Виктор Дмитриевич, — о трудностях и даже разочарованиях, пережитых во многих районах Сибири. Она морозостойкая. Если снежный покров неглубок и нет особенно хлестких морозов, то многие хозяйства утратили всю зиму пастбища скот и овец по рапсу. Бывает, стебли льдом по-

крываются, а само растение зелено. Оно как бы живет вне времени, игнорируя и сибирские ветры и холода. Но не только в этом достоинство рапса. В нем много белка и мало клетчатки. Урожайность и семена и зеленой массы высока. Его любят все животные, но особенно овцы. И после скшивания оно хорошо и быстро отрастает.

В Сибирь за время вегетации возможны два, а то и три укоса. Мы поехали на опытный участок. Здесь высшими косяк ста сортов рапса — озимого и ярового. Ученые надеются получить ответы на многие неотложные вопросы практики.

Я обратил внимание на сеялку, стоявшую возле деланок. Ее деланки осматривали и руководители станции.

— Машина необычная, сделана с учетом того, что семена рапса очень мелкие, — пояснил В. М. Залеский. — Летом зялым рапсом новые площади. Для посева эта культура незаменима, к тому же рапс — ценная масляная культура, у яровых его сортов содержание масла достигает даже пятидесяти процентов. Оно используется при производстве маргарина, а также в металлургической, текстильной, кожевенной, лакокрасочной и химической промышленности.

Урожай ярового рапса на станции в среднем превысил пятисот центнеров зеленой массы с гектара. Замену, что кукуруза здесь дает не более трехсот шестидесяти центнеров. Превосходство рапса проявилось и в том, что он намного обогнал другие культуры по содержанию в своем веществе, переваримого протеина и, конечно, по количеству кормовых единиц.

Семена кукурузы и подсолнечника в Сибирь ежегодно завозятся. А семена рапса получают здесь же. К тому же его выращивание не требует ручного труда.

Как во всяком новом деле, и ошибок немало. В совхозе «Искра» сначала при посеве семена заделали так глубоко, что всходы не появились. Теперь же «Искра» — передовое хозяйство по выращиванию этой культуры. На выпасе скот здесь находится до глубокой зимы, на подворьях скот зеленый рапс косят до самого декабря.

Наступило время, когда экспедиенты вышли за рамки опытной станции. Им практика требует более оперативного и широкого внедрения ценной культуры.

И. КРАВЧЕНКО

Красноярский край.

Е. КРЕЧЕТ

В междуречье Витима и Мамы, на плато, окаймленном цепью гор, называемых здесь голцами, раскинулся поселок стоведного Мамы. История развития поселка — заметная страница развития нашей спяющей промышленности.

САМОЛЕТ
ЛЕТИТ
НА СЕВЕР

строки, кто-то, может, скажет: «Что же тут особенного? Города растут, а тут есть эти поселки. Но это необычный поселок. Он находится в долине, таежной. Ближайшей железнодорожной станции Лены — 976 километров водным путем, до Иркутска — 1030 километров по воздуху. Иных дорог нет. На минусах сотен километров тянется асфальтированная равнина. В недавнем прошлом здесь были лишь звериные тропы. Зима суровая, продолжительная, с морозами до пятидесяти градусов, лето скоротечное. Динах, по-своему красивая — таежная: таега без конца и края; голцы, словно гигантские сторожевые куранты; шумливые горные реки, вертеки, как ящерцы, — удивительная игра плавающих вод; причудливые нагромождения скал. Довольно мне побывать тут четверть века назад, и вот снова лечу...

От Иркутска самолет взял курс на север. Города, фабрики и заводы, железные дороги и автодороги, а затем — зеленое, хаотичное море, разрывавшее до самого горизонта. В Саянскую я не узнала поселка. Об, как разметнулся лес! Мамы, «спящая столица» В воды рек Витима и Мамы кокетливо смотрелись белые, под шиферными крышами дома в два, три, четыре и пять этажей. Поселок утопал в зелени — таега снова пришла к людям. Возле зеленого райкома партии и райисполкома я сам вскоре увидела белочек, услышав рассказ о том, что за день до моего приезда местный охотник поймал в поселке собора.

Мамы — центр Мамско-Чуйского района, главными предприятиями которого являются ордена Трудового Красного Знамени горнообогатительный комбинат «Мамский» и ордена Октябрьской Революции Мамско-Чуйская геологическая экспедиция.

Мамское месторождение слюды-мусковита, открытое в 1889 году, дает значительную часть общесоюзной добычи этого ценнейшего минерала. Объекты комбината разбросаны на семи с половиной тысячах квадратных километров огромного Патомского нагорья.

Мне не терпелось увидеть поселок поближе, встретить людей, которых хорошо знал, и вот я иду по улицам, обсаженным тополями, чернухой, березой, рябиной и желтой акацией.

— Акация-то откуда? — недоумоу спрашиваю у прохожего. — Ее некогда не было в здешних местах.

— Прекрасный председатель поселкового Совета товарищ Тарасов завез. Он же привез и сирени и яблони. Сирень, как вы знаете, вымерзает, а вот яблони прижились. Правда, яблочки — маленькие яблочки.

Идут люди, мчатся автомобили и мотоциклы. Выхожу на набережную. Внизу плещется Витим. И вдруг радостно забилось сердце: встречаю да каналь! Разрезаю волны, мнится белоснежный цвет «Павел Король». И ястал перед моими глазами, словно живой, высокий, крупный человек, старатель Павел Нестерович Король. Ходил я о нем рассказы-легенды. Я часто встречался и долго беседовал с этим человеком. Вся свою жизнь он провел в тайге и никогда не расставал с собой оружием, потому что не боялся ни медведей, ни лисих

Там, где была тайга.

людей. При этом был добр и непосредствен, как ребенок. В «жилищу» он выходил только для того, чтобы сообщить начальству об очередной находке слюды, да еще основательно подкрепиться. За один присест мог осилить полведра супа, пять-шесть порций второго, буханку-другую хлеба... Павлу Нестерову (фартинко) он обнаружил десертный жид, а голец «Корольевский» называл в его честь.

И вот теперь катер, который будет постоянно напоминать всем, что жил на земле человек, любивший и знавший тайгу, умевший подбирать ключи к кладовым природы...

ЗНАКОМЫЕ ФАМИЛИИ

Вслед за первой — вторая встреча: на площади перед зданием райкома партии с Доски почтен на меня смотрел горный мастер Александр Анисимович Лазбин, слава о котором гремела тут в пятидесятые годы.

«Так хорошо выглядишь!» — удивился я. Но подпись под фотографией разъяснила: это был сын А. А. Лазбина — Михаил, бригадир проходчиков.

Через час в райкомовской партии я узнал, что не только Михаил, но и другие дети Лазбина пошли в отца. Второй сын, Владимир, — знатный старатель. Дочь Нина — секретарь партийной организации цеха на руднике «Лугов-

ка», депутат поселкового Совета, член обкома профсоюз. Она, как и отец, награждена орденом Трудового Красного Знамени. Еще одна дочь, Валентина, — лучшая выборщица слюды.

В начале тридцатых годов сын бедного вятского крестьянина Василий Васильевич Малышев, опустившись с землей, выехал на Ленские золотые прииски в город Бодобей. В ста двадцати километрах от города Малышева застала зима. Пароход вымерз в Витни, и сошел Василий на берег в крохотном, в десять охотничьих избушек, поселке Мама. Думал кое-как пережить зиму, а остался навсегда.

Родных перемилив — один за другим приехали мать, братья — Александр, Илья, Николай, сестра Ксения. Был Василий разнорабочим, горным мастером, начальником участка, директором рудника. Награды получал — орденом Ленина. Тогда же, на торжественном вручении награды, я и познакомился с ним.

Младший из братьев Малышевых, Николай, приехал в Сибирь подростком. Окончил семилетку, стал саянстом. Потом была комсомольская работа, учеба. Вот уже несколько лет Н. В. Малышев — первый секретарь Магского Чуйского райкома партии. На груди три ордена — награды за преобразование дикого таежного края.

А сколько радости испытать я от встречи с Федосией Николаевной Шенной! Начальник

затона В. С. Шенн и его жена в моей памяти остались удивительно радужными хозяевами. Придешь к ним, на столе появляются грибы, ягоды, другие дачные.

— Это ребята наши и приготовили, — гордилась хозяйка. А ребята у Шенных было одиннадцать.

— Где они теперь? — спросил я у Федосии Николаевны.

— Нелли учителствует в соседнем Киренском районе, Геннадий — в Усть-Куте, а остальные со мной: Нина — оператор отделения связи, Мария — почтальон, Владимир, Александр, Роберт, Светлана, Андрей, Сергей и Алексей — горняки. Дети меня радуют: только хорошее слышу о них.

В трудовую жизнь вступают уже внуки Шенных. Их, как и детей, у Федосии Николаевны одиннадцать. Матери-героине Ф. Н. Шенной шестнадцать четвертый год.

Встречи... встречи... С волнением всматривался я в лица, и воскресали далекие годы, начало трудового пути тех, кого теперь называют ветеранами Севера, первопроходцами.

ГОРНЯКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

До Иркутска я летел с товарищем из Закавказья.

— Представляете, — жаловался он мне, — занятия Всесоюзной школы передового опыта высокооборотного алмазного бурения решили проводить за тридцать земель. Похотелось ли это — ехать за опытом чуть ли не через всю страну в поселок Мама, который и не на всякой карте отыщешь! Что я там узнаю нового, ума не приложу!..

Из Иркутска мы летели порознь, а встретились уже в поселке Мама.

— Какие чудеса творят здесь Антон Емелич Ницка! — начал мой дорожный знакомый. — Представляете, бригада, которой он руководит, перекрыла все технико-экономические показатели, достигнутые асами бурения в США, Канаде и Швеции. В 1973 году она пробила 9200 погонных метров сваями. А потом и пошло и пошло — 9510, 10 620, 12 358, 13 015... Фантастика!

Вот и будут изучать опыт мамских буровиков люди со всех концов советской земли.

Судьба Антона Ницки из Дзиговки, что на Украине, чем-то сходна с судьбой Василия Малышева. В поселке Мама он очутился, восхищенный письмами работающих здесь землекопов.

— Когда в «отделе кадров мне предложили заключить договор на пять лет, — рассказывал мне А. Е. Ницка, — я растерялся. Пять лет, шутка ли! А я вдруг не поправится!

Было это в 1962 году. До сих пор, однако, нигде не уехал Антон Емелич, да и не соберется. Дети растут: одна дочь уже работает радиомастером, другая учится в Иркутском педагогическом институте. Сыну девять лет.

Эта Всесоюзная школа передового опыта не первая и не последняя, — продолжал Ницка. — Каждый раз съезжаются буровики, руководители буровых работ, ученые. И я, простой рабочий, выступаю перед ними...

Скромничает Антон Емелич Ницка, делегат XV съезда КПСС, скромничает. Успех его многонациональной бригады — достояние эпохи 1983 года, — это не только упорный труд, совершенствование передовой технологии, постоянная учеба всех и каждого, но и пытливая мысль бригады, ее постоянный поиск нового, умение ставить поставленные творчески микроплан, добиться полной взаимозаменяемости всех членов бригады.

Антон Емелич не только выступает перед слушателями Всесоюзной школы передового опыта, — рассказывает Н. В. Малышев, — он сам и член. В календаре выделены в Бодобе, Магадане, другие города, на месте показывали свою сноровку. Кое-кто не верил в показатели бригады Ницки. «Не может быть, говорили, чтобы из одного станка выжимали столько, сколько мы из шести». Но пришлось поверить, когда своими глазами увидели, на что способна советская техника в руках настоящих мастеров.

ЗДЕСЬ ВОЛНЫ ЗОЛОТИСТЫЕ БЕГУТ

СТИХИ РОСТОВСКИХ ПОЭТОВ

ГЕННАДИЙ СУХУРЧЕНКО

СТЕПЬ И МОРЕ

Пусть ветер над косынки рвет туман
и ливень серебро швыряет
с неб.
Уроет нас побеленный самым
рыбачий хаты у границы хлеба.

Граница хлеба и граница волн...
А может быть, и нет такой
границы?
Здесь дышит море, как усталый
вол,
барашками все поле колосится.

Здесь волны золотистые бегут,
перехода в белесо-голубые.
Коль надо, здесь и рыбки ведут
комбайны, как суда, в моря
степные.

Акации здесь ленивы, как прибой,
морским узором снопы двачета
вяжут.
Здесь жаворонки станут над
водой,

здесь крыльями над степью
чайки машут.

На ниву ляжет звонкая роса,
и ты в тиши увидишь безмятежной:
у васильков — как брызги волн,
а у волны — цвет васильков
прибрежных.

...Пусть ветер на косынки рвет туман
и ливень серебро швыряет
с неб.
Тепло хоззяка улыбаются морям,
подает уль, нарежет крупно хлеба.

Сама присядет скромно на кровать,
и в жестких пальцах замелькает
спицы.
И будут с непогодой воевать
в содружестве и море, и пшеница...

САМАННЫЕ ДОМИКИ

Вино акаций забурило,
и в голову ударила метель.
У Таганрогского залива
гудит весенняя метель.
Она глядит из-за деревьев,
в глаза стеклянные сбрызгивая
всплески в сады, в сады, в сады.
Ты стоишь в скворцов весенних трав.
Такие белые, такие
благоприятные они!
Гляжу на них из-под руки я,
как на зовущие огни.

Уже свиданье больше
не предостыжит,

не растянута мгновенье на года...
Она решила — ни минуты дольше!
И не вернется, видно, никогда.

Шаги ее на лестнице стихают —
прошлись воню и навсегда...
Ах, женский! Она всегда такая —
как наваждение, песня, как беда...

Ни губ полблещих, ни морщинок
тонких,
ни белой пятнышки на висках
она вам не покажет. А девчонкой
усталою задремлет на руках,

чтобы, проснувшись, превратиться
в птицу,
уйти, мучаясь, любя,
во снах моих молодого
сниться.

Ищу я в каждой ласточке тебя!

КУЛОНЫ

Снова в моду вошли кулоны
золотые, с александритом.
И заморыши и куплеты
тоже носят — не лыком шиты!
Только ты к дорогим металлам,
к этим редким камням

равнодушна.
Позаросла, матеря, в нехоту,
попозла, неземная...
Убежали денки-денчики
с полцелыми над водой.
Погуглял на том-то песенке
да и спрыгнул за скалой.
Моря нету. А есть березы.
Только волны в листе шумят,

только чудится — албаторсы
между белых стволов летят.

И не слезы, а брызги это
на губах твоих сономы.
Ходит девчонка-непоседа
вкруг его и твоих ямы.

Ходит девчонка-тоноконька,
руки — крыльишки... Улетит
белой чайкой над той дорожкой
что меж волн за кормой блещит.

Простит: «Маме, дай поиграть
той игрушечной на груди...»
Или плакать, или улыбаться:
«Не суди ты нас, не суди...»

И с цепочки кулон снимает
и читает беззвучно вояны,
на обычном камешке: «Тая
— Сергей. Навсегда — любовь!»

Плещут буквы, что крылья чаек,
он чертит их ножом скорей.
И скимжешь ты пальцы отчаянно —
дочь любовью играет твою.

ПАВШИМ

Чайки над волною — это вы!
Алые гвоздики — это вы!
Гул мартовое жарих — это вы!
Это вы в космическом полете!
Вашиими глазами смотрели мы.
Вашиими руками строим мы.
Вашиими сердцами любим мы.
Значит,

вы бессмертны, вы живете!

ПОС-ПРЕКЛЕП В ПУТИ

ЮРИЙ ОСИПОВ

Одного из старейших советских
писателей — Евгения Андреевича
Пермяка по праву называют верным
рыцарем сказки, преемником
знаменитого автора «Малыхитовой
шуталишки П. П. Бажова. Многолетняя
дружба связывала этих людей,
совместные поездки по из
родному Уралу за самоцветами
народного слова. Славные дела
ураляцев доли жглись известным
книжкам очерков Евгения Пермяка
«Уральские записки и «Строители»,
сборнику рассказов для детей
«Моя жизнь».

Уральский фольклор определил
своеобразие палитры писателя и
главную тему его творчества —
тему нравственной силы труда,
возмужающего и облагораживающего
душу людей. Поэтические
сказы Пермяка увлекают юные
сердца в светлое царство талантливых
рабочих рук и неподалеку
Правды. А рядом с ними, через
перевалы лет, нас сопровождают
его емкая проза — малые и большие
романы, повести, любовно ри-

сующие страницы прошлого и на-
стоящего кузнечной страны, удив-
ляющие по глубине, по формиро-
ванию духовного облика совет-
ского человека.

Более сорока лет неустанной
работы в литературе... И вот чи-
татели получили заключительный
четвертый том собрания сочинений
Евгения Пермяка, выпущенного
Средне-Уральским книжным
издательством (Свердловск). Оно
далеко не исчерпывает творчест-
ва этого самобытного прозаика.
Так, за пределами четырех томов
остались широко известные
писателя Пермяка «Иван да Марья»,
«Лес шутит», долго не сходящие
со сцен театров. Собственно, с
драматургии и началась в 30-е
годы его литературная судьба.

Тем не менее собрание это до-
статочно полно представляет боль-
шой творческий путь писателя. И
в нарушении последовательности
разговоров о нем хочется начать с
заключительного тома, ибо здесь
читателя окружает волшебный
мир сказок. Какими только давних
знакомых не встретит под зле-
пой обложкой тома. «Уральские

были-небытия», «Бабушкины кру-
жева», «На все цвета радуги»,
«Плантиско уездили», «Семьсот
смыслет семь мастеров». Всего
свыше 120 миниатюр в прозе.
Иные — на 5-6 страниц, а не-
которые захватят и десятка страниц.
И в каждой заключен мудрый жи-
тейский смысл, выраженный про-
стым и ясным языком, близким и
живой разговорной речи, но про-
низанным красочными образами
и яркой символикой.

В излюбленном автором сказо-
вом жанре написаны также оди-
ннадцать «надежных романов» —
«Царство Тихой Лутовины», состав-
ленный вместе с «Солнечными
мемуариями» и «Ягродом» со-
держание третьего тома.

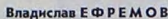
Писатель добывается тут мастер-
ство, становится художником, пере-
ходя от добродушной иронии и
гневному сарказму. Перед нашим
глазами проносятся характерные
картинки жизни заштитного ураль-
ского горняка конца прошлого ве-
ка, с его знаменитыми-незнаменитыми
удачами, неудачами, механи-
ческими мастерами и лесопиль-
ными мастерами богатыми и бедными.
Писатель молодой инженер
Петр Яновский, честный и одержи-
мый блужданиями, но грубо
заблуждающийся человек, искре-
нен поверивший в возможность

побед рабочих над эксплуатато-
рами при помощи капиталистиче-
ских же методов. Организовав в
Тихой Лутовины «новостроительное
производство» на товарищеских
началах, он был поражен, когда
конкурировать с предпринимателями.
Однако буржуазная действитель-
ность привела «товарищеское»
к гибели.

Остроосознание произведение
Пермяка не воспринимается толь-
ко как рассказ о прошлом — оно
напоминает нам, что подобные
утопии в несколько подполномном
виде живы и ныне.

Злободневная проблематика
всегда занимала важное место в
творчестве писателя. Как разумно
сочетать неудержимый техниче-
ский прогресс с интересами охраны
и приумножения культурного
наследия прошедших веков? Этой
актуальной теме посвящен его роман
«Ягрод», повествующий о
возрождении старинного и некогда
славного города, оказавшегося
в силу исторических обстоятельств
на положении уездного захолу-
стья.

Но, опять с первых же страниц
романа читатель погружается в

ВНРАЖИ

Небо, небо — опора души!
И навеки в глазах синева.
Выражи, выражи, выражи,
И кружится слегка голова.
Мать-земля... Ты нежна и твер
Не прими ни в упрек, ни в у
Хоть моя и не гаснет звезда,
Но качает меня до сих пор

От обид, от любви, от друзей,
Чем живу я сейчас и чем жил,
Ощуаю все ближе, больней
Я крутые твои выражи!..

Иду по знакомой дороге,
Волненья сдержать не могу,
И яблонек девичьи ноги
Белеют на синем снегу.
Никто не стоит у забора,
Молчит почему-то Дружок,
Лишь ветер с калиткою спорит,
И яблочком пахнет снежок.
Так пахнет, как в детстве когда-то,
Так пахнет, что больно душе...
Родная забытая хата
Да лиственный бурьян на меже...

О ХЛЕБЕ

Война. И разруха.
И ветер. И холод...
Взяла голодуха
За горло весь город!..

Нам белое солнце
Казалось буханкой,
И в наше окошко
Лилось спозаранку,
Мы помним разруху
И боли над нами,
Нам мамы макуху
Сопли слезаму...
Крестовые небо!..
Забывать страсти...
Ах! Запихи хлеба,
Как запихи счастья!..
Застолье, застолье!..
И свадьбы ликие!..
И к хате по полю..
Идут молодые..
День звонкий, лучистый
Столы, как зарницы!
Хлеб вечный, душистый
На них золотится!
И кажется, будто
Буханки вот эти
Замешаны круто
На солнечном свете!..

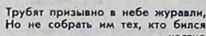
От суеты, хулы и похвалы
Беги туда, где хвойные расставеты,
Где в ветви растекаются стволы
И сумерки качаются на ветках.
Остановлюсь над стилою водой,
Расцвеченной пожаром желтых листьев,
И под махровым берегом ладонь
Защерывает холод серебристый.
Я лью его, врачуюсь без врачей
И, горечь лет ушедших скинув,
Тяжелый груз досадных мелочей
Готов взвалить на собственную спинку.

ОДИНОКИЙ КУСТ

Осень куст раздела. Нагишом
В поле он... Не греют веток соки.
Трокув ветви, во поле пришел
Теплый день, блестящий и высокий.
Просиял до корня сирый куст,
Чувствует рождение новых
листьев,
И приливы самых светлых чувств
Изливает птичьим пересвистом.

Деревца обветрены и голы,
Но весну предчувствует душа.
И по крыше ходит тучный голубь,
Головой отсчитывая шаг.
А под крышей капля тяжелеет,
Мир холодный внутрь себя

вобраз,
Ни себя, ни мира не жалея,
Звонко разбивается во прах.

И за свободу дедовской земли
На поле брани пал, чтоб выжить

Дыхание казачьей старины
Качнет на крепостном валу

былинки...
Тут со щитом рассветной тишины
Сама История идет тропинкой!

Виктор Петров

ОЛАДУШКИ

Мимо ступени Успенской
Дни и ночи напролет
В эшелонах длинных с песнями
Ехал сорок пятый год.
Ждали мамы на перроне,
Теребя свои платки:
В том ли, в этом ли вагоне
Их кровиночки-сынки.
И мама стояла бабушка —
Узелок белел в руке.
Принесла она оладушки
С душой скорбной о сынке.
Наказал, уйдя из дому:
«Мать, себя побереги,
А вернусь, так мне, живому,
Ты оладушек спеки...»
Да погладь ее Василий
Смертью храбрых на войне,
Заслونا собой Россию.

Став посмертно дядей мне!
И она, беду осилив,
Раскрывала узелок.
Говорила, кто Василий,
Пусть берет, как мой сынок.
Мать седую понимали
Те, кто вышел из войны:
— Нас прости за то, маман!
Что чужие мы сыны...
Клянялись солдаты низко,
Приникали, вспоминая мам.
А олады материнские
Со слезами пополам.

A30B

Где шашка Дона в ножнах
Где вольницей степною пахнут
Азов из-под забрала облаков
Глядит окрест глазами ратной

атмосфері сказав, живописуєся «чудо-город Яггород». Яггородця трожити, проєкт строїтьця, як ягроднакстроїтьця обрєкає, як ягроднакстроїтьця, прєсєкає там самым кровнєм, змєнє минувшєго з настєющєм і будучим. Оущєнє же зтєх сказє, утєждєєт автор, нєобходимо лєзє, для дєвєнєця вєдєр. Вот почєму житєлє гєрдє отдєют прєдпочтєнє, бєлєє рєзунєному варєанту еконємєчєского прєобрєзєвєнєя рєонє, основєнєному на рєзрєбкє мєстєопєлєкєнєй чєлєдє.

Действие романа развивается прямо-таки с кинематографической динамичностью, и напряженное противостояние главных персонажей увлекает в поток событий самых разных лиц. Вообще большинство произведений Пермяка написано, что называется, сценарно, отличается увлекательностью фабулы и обилием героев. Немало их и в «Ягрюдове», причем каждому автор сообщает запоминающиеся черты. Особенно удаются ему женские образы: и в «Ягрюдове» романист мыслит, что такое оригинальный, островажный, наделенный богатством натуры. На страницах «Ягрюдова» читатели привлекают душевная отзывчивость молодой учительницы Машеньки Агеевой,

внутренняя сила Сусанны Веригиной, романтическая любовь Луши к буровому мастеру Рамазану Нуралловичу.

Из переплетения судеб всех этих героев вырастает новая счастливая судьба Ягродора, вступающего в пору второго цветения.

Сказочным интонациям окрашен и другой современный роман Е. Ягродора, «Старая ядыма», направленный против растлевающей психологии собственничества. С вхождением в первый том романа «Сказка о сером волке» и «Последние заморозки» его объединяют открытый публицистический пафос и непримиримость авторской позиции по отношению к любым проявлениям стяжательства.

«В жизни случается иногда так, что и маловажные события вызывают большие потрясения. Нечто подобное произошло в новом доме довольно известного сталева Васьки Петровича Киреева. Событие заключалось в том, что владелец и строитель этого добротного дома обнаружил в нем гниль».

Так начинается роман «Старая ведьма». Гиль, поедающая новый дом сталевара Киреева, незаметно разъела и душу самого героя, превратившегося из веселого

- Убедительно показывая духовную деградацию Киреева, автор подводит его в финале к пониманию необходимости пересмотреть свои жизненные принципы, порвать с привычным окружением.

«Человек не может быть согрет только своим теплом. Его согреть тепло других. Но для этого нужно, чтобы и ты излучал тепло... Это великий закон взаимного излучения теплоты. Не просто и не сразу осознаешь тепло очевидного и неведимого. Это тепло души, розовка Руфина Дуловская. Не разматываешь сердце толкает ее на ложный путь, заставляя совершать ошибки. Но рядом с ней люди, которые неизменно поддерживают ее в трудную минуту, не дают пасть духом, утратить веру в себя и в победу, в конце концов она находит свое место в жизни, обретает счастье».

«Последние заморозки» написаны в традициях семейно-бытового романа и знакомят читателя с двумя рабочими династиями — Векшегоновых и Дулесовых. Полная превратностей любовь молодых героев, наших современников, еще контрастнее оттеняет тему преемственности поколений,

постоянно возникающую в произведениях Е. Пермяка. И здесь вновь действуют излюбленные персонажи писателя — уральские умельцы, заводские мастера, знающие цену душевной чуткости и доброты, умеющие тонко чувствовать суровую, величественную природу края.

Глубоко проникновение в историю Урала, сложившиеся там характеры, уклад и особенности заводского быта позволили автору создать многоплановый историко-революционный роман «Горбатый медведь», целиком занимающийся в собрании сочинений второй том. Драматическая судьба мечтательного подростка Маврика Толлина, главного героя книги, шагнувшего в революцию прямо со школьной скамьи, сплетается с судьбами разных людей, из разных слоев общества, со сложными и часто трагическими судьбами их надежды, тревоги, стремления к истинной свободе.

Собрание сочинений Евгения Пермяка не исчерпывает его творчества. Оно и не подытоживает всего, сделанного им в литературе. На 78-м году жизни Евгений Андреевич все так же встречает утро за рабочим столом, по-прежнему полон творческих замыслов, по-прежнему в пути. Читателей ждут новые встречи с его книгами.

П О Л Т А

В № 20 «Огонек» было опубликовано письмо Вали К., приславшей нам свою радужную открытку на черк Г. Кукуйской о человеке ищет... [«Огонек» № 4 за 1980 год]. Редакция получила и продолжает получать большое количество откликов на эту публикацию. Люди самых разных профессий, самых разных возрастов пишут о своей радужной, о своем искании и заблуждениях, дают конкретные советы Вале К., спорят и соглашаются с ней. Сегодня мы хотим ознакомить наших читателей с некоторыми выдержками из этих писем.

Прочитал письмо Вали К. и решил написать. Наверное, потому что наши характеры схожи. Так же, как и она, не могу работать без интереса, без заботы. Хочу найти такое дело, что было бы, как праздник. Мне нравилась профессия меллиоратора. Здорово делать свою землю лучше. Поступил даже в техникум. Но почему-то оладел к этой профессии. Может быть, потому что не нашел среди своих друзей единомышленников. Никого из них эта профессия как-то не возбудила. В 1980 и начал я работать без радости. Думаю, куда бы уйти, и не знаю. Боюсь, что получится, как у Вали. Тем и процедишь всю жизнь.

А. С., 19 лет, пос. Вашич.

Я ветеран Великой Отечественной войны, защитил Одессу, Севастополь, Северный Кавказ, Малую землю. Демобилизовавшись, служил в органах МВД, бывал на многих стройках, и все равно чего-то не хватало: переменил десятков профессий, но не мог найти себя. Наконец повелю. Попал в тайгу, в поселок Бухви, Иркутской области. Здесь добавили живичку, то есть то, без чего невозможно выжить в тайге. Сидишь, без чего не полетишь бы самолеты и космические корабли, а наши женщины не смогли бы душиться духами и одеколонами. Работа эта тяжелая, изнурительная, но полна романтических приключений. Полюбил я и свою профессию, и тайгу, дику природу, птиц, зверей. Желал и Вале написать работу по сердцу.

П. А. Полинов, Иркутской области.

Мне 31 год, а работать начал с пятнадцати. С детства любил всякую технику, мой мечтал. Но вот началась самостоятельная жизнь, пришлось трудиться там, где нужно, куда пошлешь. Был и слесарем, и токарем, и инструментальщиком, и экскаваторщиком. Я не ищу работу, а просто отвоюсь ей. Всякий раз, так, что было радостно. Мои со своими дружба добродетелью где только не побывали. Весь район обездвижили и работали в любых условиях, как чемпионы. Вала, если не найдешь работы по душе, приезжай к нам на Даль-

ний Восток. Тут работы непочатый край, а рабочие руки нужны.

С. Пискарев, Хабаровский край.

Прочитала о Валиных сомнениях и невольно вспомнила свою юность. Жила мы в Северном Казахстане. Шла зимой, и училась, в седьмом классе, но, как и все школьники в то время, мы помогали фронту, собирали огурки, скидывали хлеб, убрали горы. Отец был на фронте, мама работала кохером, а дома хозяйничала моя десятилетняя сестра, кормила нас, убирала дом. Позже, а пошла в шестую мастерскую. По двенадцати часов мы, девочки 15—16 лет, стригли овчин, шили полушубки для боязов, аэромонов. Вале сегодня скажу все это услышав, но то жизни моего поколения. У меня три сына, все учатся, но и к труду относятся с уважением и любовью. Так же как и Валина мама, я считаю, что любой труд интересен, только бездельники могут скучать на работе.

В. Г. Жарова, Свердловск.

Вали К. призывает своих сверстников к поискам себя. Но тут-то и таится самая большая опасность, так как нередко в молодые годы люди свои желания принимают за призывание.

Думаю, надо развенчать миф о том, что в каждом человеке обязательно заложены какие-то особые таланты, призвание к особой роду деятельности, и его-то надо искать. На мой взгляд, главное призвание человека не в выборе профессии, а в самом труде на благо общества. Жизнь дает немало примеров людей, очень разносторонне одаренных, но они умели остановиться на чем-то одном.

Или взять, к примеру, наши комсомольские стройки. Везде молоденькие едут туда по зову сердца, а осваивает те профессии, которые там требуются. Тут действуют в первую очередь нравственные стимулы.

Дорогая Вали! Ты ошибаешься, когда пишешь, что мама не понимает тебя. Нет, она, как видно, умная женщина. Отец, правильно говорит, что всякая работа должна быть в радость. Предлагаю тебе не искать любимую профессию, а сделать свою необходимую работу профессией. Вот я никогда не мечтал быть военным, а грянула война, и надел форму, ни о каком таком призыве и не помышлял. А вот тогда же, как уинку слышу хорошую идущий строй, слышу солдатскую песню — и теплеть на душе: ведь я тоже военный. Сейчас работаю преподавателем и очень полюбил свою новую работу, без студенческой аудитории и не мыслю своей жизни.

Н. И. Дмитриевский, Калининского политехнического института.

Романтика... Ах, Вали! Ведь мы сами делаем труд романтичным.

Попробуй вложить в свою работу больше труда, и она не будет тебе безразлична. Самая позлая черта у человека — лень. У ленивого человека нет ни чувства ответственности, ни чувства долга, ни мучительной честной натуры. Вали, тебе 21 год, и это немало. Не от лени ли твои искания? Разберись в себе често.

В. С. Матинкова, ст. архистик, Свердловск.

Хорошо, когда работа приносит только радость, но в жизни бывают и трудности и неприятности. Нужно быть готовой к ним. Вали К. призывает искать любимое дело, овеянное романтикой и непременно творческое. Но так можно проискать всю жизнь. Я знаю молодых людей, которые нигде не работают по несколько месяцев, сидят на шее у близких людей. Нередко мы приглашали на совет одного такого искателя любимого дела. Ему 29 лет, в стаж работы едва ли год наберется, закончил техникум. Читает художественную литературу, играет на баяне. Гдето в Ленинграде у него брошенная жена с ребенком, которую не берет. Не перестану не образоваться. Все не может найти работу по душе и сидит в основном на издании матери. В свои 29 лет он не умеет работать паразитом, тратить чужие деньги и ни за что не отвечать. Боюсь, чтобы Вали К. не уподобилась этому человеку. Сама я по распределению пошла в деревню, где уже шесть лет работаю директором маленькой восьмилетней школы. Вы скажете, какая романтика в работе администратора. А я считаю, что человек често должен трудиться на любимом месте, а главное — любить людей.

Н. И. Филимонова, Калининская область.

Главное, что к тебе скажу, Вали, слушаешь мать и нас, гордость родителей священна. Да, да, и мама моя не хочет видеть своих детей счастливыми. С 17 лет работала бухгалтером, принимаю роды, помогаю вступить в жизнь новому человеку. Какая же была счастлива, окриленная, когда ее прохотил богатополучил. А о восьмилетнем рабочем деле и не думаю, сижу у изголовья матери и радуюсь ее счастью.

Л. М. Кеткова, Нальчик.

Много пришлось переменить профессий на своем веку. Но не оттого, что чувствовал неудовлетворенность какой-либо, а просто так жизнь складывалась. Связь, пилл лес, был грузчиком, учеником, заправщиком, продавцом книг, тележеником на стройке, бригадиром и даже газетчиком. Но надо сказать, что в каждом месте я находил моральное удовлетворение, везде трудился с охотой, с огоньком. А когда было трудно, радостно, когда хотелось, не подал лодья. Вала, может быть, ты все же задумываешься над

советом матери и моим примером!

В. Савенков, воспитатель общественной, пос. Наил.

Прав почти: «Все работы хороши, выбирай на вкус!» Нет, в нашей стране, а есть плохие работники. Таково мое мнение. В нашей стране любой труд творческий, нужно только приложить усилия, любая работа превратится в посевную радость.

Н. П. Вахрушева, ст. бухгалтер-ревизор, Пермь.

Я рабочая союзов, но никогда не променяю свою профессию на другую. Вала хоч романтики в труде. А что это такое? На мой взгляд, романтика есть в любой работе. Разве не романтика вырастить из хрупкого саженца большое красивое дерево, вырастить хороший урожай и получить большое людское спасибо? Удивлюсь, что ей не понравилось бы строителем. Такая благодарная, нужная людям профессия. Ведь мы все входим в новый дом, в первую очередь благодарим строителей. Валина мама права. Нужно любить любую работу и отдавать ей себя всю. Очень хотелось бы, чтобы Вали поняла смысл нашей жизни и не тратила времяпустую, пригася с одного места на другое.

Краснодарский край. Л. Маркина.

Письмо Вали К. меня очень заинтересовало. В сложившейся ситуации и мать и дочь по-своему правы. Только вот понимание правоты у них разное. У матери понятие — общественное, а у дочери — личное.

Не создано ли некоторые родители в наше время тепличные условия своим детям, считают, что детство и юность — пора праздности и развлечений, а не активного знакомства с жизнью, ее трудностями? Думаю, что ошибся в трудовом воспитании порой и приводит к подобной растерянности, неспригодности, которой страдает Вали. Люди не привыкли, не научившиеся трудиться, самые несчастные люди, и помочь им никакими советами нельзя до поры, пока они сами не проваются, осознают свою ответственность, свою роль в обществе.

В. Вихаров, учитель, ст-ца Есентульская.

Вали абстрактно хочет оставить след на земле, не зная, в чем и как, что, естественно, приводит ее к бесплодному исканию и сбитым. Цель человеческой жизни — в выполнении общественно полезной работы. Может, это просто позиция легкой работы Вали, поумный прежде все, как стать достойным членом нашего социалистического общества.

С. М. Исканин, кандидат технических наук, Боеван.

ЕСЛИ Б ТЫСЯЧУ ПЕРЬЕВ...

ЖАЛЕ

МУЖЧИНА У МОРЕЯ

У скал прибрежных, в думы погружен,
Сидит мужчина в радости иль в горе.
О чем скорбит, о чем мечтает он
Под грохотание штормового моря?

Иль борется с гордымня своей,
Простить обиды ближним не может?
Иль сам он уязвлен в душе своей?
Рассказывае иль мист беднягу пожел?

Иль надо пути сбросить и разбить
Замки и цепи, стены и оковы,
Когда судьбы связующая нить
Поступка ждет, решительного слова?

А море продолжает бушевать...
Встает мужчина, расправляя плечи,
Чтоб гнев и силу в грудь свою вобрать
И понести опасности навстречу.

ЗЕЛЕНАЯ СКАЗКА

Как зелен мир, весенний и цветущий,
Как все сверкает радостью весной.
В листочке камедю, в каждой почке सूщей
Скрыта тайна вечности живой.

Мир разноцветный, яркий и певучий
Вместим ли на страницы наших книг?
Оттенков сотни, тысячи созвучий,
Но глаз лишь два и лишь один язык.

Как рассказать об изумрудной ветке
(На ней росинки светятся звездами),
Как рассказать о пленной птице в клетке,
О мурашки полетения глест?

О, не спеша на мертвые страницы
Переносить все краски и лучи,
Как суетно, когда запели птицы.
Когда запели птицы, помоги.

ПОЦЕЛУЯ ЛЮБВИ

Если птицы перья перестанут,
Если вода перестанет литься,
Если травы цветцы перестанут,
Не земля получится, а теменьца.

Если надежда не улыбнется,
Если радость смехом не брызнет,
А горе больно не отзовется,
Не изваяние все это жизнью.

Равнодушие всегда порицать я буду.
Есть люди (неважно, стар или молод),
Как снег и лед, они всюду, всюду
Вместе с собою приносят холода.

Любовь, как небо, цветет над нами,
Как жарина солнцем, милое лаликам.
Какое счастье, когда губам
Мужчина тронет руку любимой.

Но даже видеть — позор и мука,
Когда, сгибая в поклоне спину,
Одного мужчину волосатую руку
Целует рабски другой мужчина.

Земля и солнце друг друга любят,
Сплетаются, авти объятий ищут,
Цветы — любовные поцелуи,
Нет ни прекраснее их, ни чище.

СТАТУЯ АПОЛЛОНА

Шедевр творенья,
Мрамор, бог, мужчина,
Победа сил небесных, идеал.
В тебе и дух и тепло вечно.
Искуснейший ваятель сочетал.

В чем тайна сочетанья этих линий
Лица и шеи, плеч и ног?
Ты, как цветок, расцветший без усилий,
Ты идеал, мужчина, мрамор, бог.

Смотрю, любя, покровствуя, страдаю,
Ты идеал, гармония, гроза...
Но знать хочу я, женщина земная,
Какого цвета у тебя глаза?

Морская синь иль чернота агата?
Иль сталь клинка? Огонь иль бирюза?
Мне холодно от мраморного взгляда,
Хочу, о бог, смотреть в твои глаза.

ЖЕНЩИНА И МОРЕ

Она сошла по каменным ступеням
К морской воде, к черте подвальной той,
Где синий вал добирается в белой пене
Размачисто по гальке разлитой.

Стройная, легкая, она пошла по морю,
Как парус серебряный, чуть видна,
И затерялась в зыблемом просторе,
Где горизонт, и дымка, и луна.

Как сказочно, как чудно это было,
Как быстро все исчезло без следа...
Когда глаза я вновь открыла,
Пустыни были берег и вода.

ПОБЕЖДЕННЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ

Тимур возвращался домой из похода,
Жестоко-победный был этот поход.
Везде пред Тимуром склонялись народы,
Ему подчинялись истории ход.

Он в сердцах глубины заглядывал хмуро,
Ища там веселья и радости, но
Не искрилось радостью сердце Тимура,
А было там пусто и было темно.

В дырявом холсте, в дырявом рубаше
У края дороги, где бел солонец,
Исправ себе на певучем рубаше,
Пел песенку некий бедняга-слепец.

И песенка пелась, и струны звучали,
И слуха Тимура коснулася она:
«Мир стоит едва ли минуты печали,
Отдай его смело за нашу вину».

Минута веселья дороже короны,
Пролет же на сердце уследи огонь...»
Бы голосом этим Тимур очарован.
И замер, украшенный золотом конь.

Глазницами старец слезился пустыни,
И песенка в такт поднималась кадик.
«Послушай, несчастный, как твои мня?» —
Спросил у бедняги владыка владык.

«Довлат * мое имя», — ответил по-свойски...
И тотчас же хохот раздался над ним.
Тимур хохотал, хохотало и войско:
«Послушай, бывает ли счастье слепым!»

«Вот то-то, бывает. Иначе бы счастья
Тимуру Тимуру не аидеть возем...»
Сто собель зметнулось, чтоб сразу на чашу
Бы в гнев изурблен слепой человек.

Но сила добра никому не известна,
Сдержался Тимур, хоть и яростен был,
И точас коротким, решительным жестом
Сто собель зметнувшись остановил.

О, чудо аллах! Все видели это,
Остался нетронутым дерзостный раб.
Когда золотая, как солнце, монета
Упала к ногам смельчака на рубашу.

Владыка повелю задумчиво тронул,
Послушай, задумчиво тронулся конь.
«Минута веселья дороже короны,
Пролет же на сердце уследи огонь».

В ушах у Тимура все струны звучали,
Все песенка эта звучала одна:
«Мир стоит едва ли минуты печали,
Отдай его смело за нашу вину!»

ЕСЛИ Б ТЫСЯЧУ ПЕРЬЕВ...

Если б имела я тысячу перьев,
А на кончике каждого тысячу огненных слов,
Ежедневно тысячу раз я бы пела
Гимн свободе, против цепей и оков.

Если б на тысяче языков говорить я умела,
Для тысячи разных народов, ежедневно
Я бы оды и гимны свободы пела,
Призывая подняться против оков и цепей.

Если б тысячу изюбья я имела
И распоржиться ими могла,
За свободу прекрасное, гордое дело
Я бы тысячу раз их все отдала.

Если б была я ангелом бунта и гнева,
Уже тысячу лет назад прилетела бы я к рабам.
Я бы крикнула им: «Нү, вставайте, вставайте,
Где вы, где вы».

Ранте цепи, вставайте, говорю я вам!

И подняли бы тысячу восставший народы,
Прекрасные невольницы и мужественные рабы
Монни словами звали бы гимн свободы,
Оттенуя песню ярости и борьбы.

Я поднялась бы с вершинами горными
Вровень,

Пылая сердцем, мстью горю.
Люди, не сотворившие ни капли крови,
Почему проливают крови марш?

Мне бы тысячу трюб, чтоб трубить победно,
Чтобы люди не могли предаваться снам,
Чтобы рабство ушло из человека бесследно,
Чтобы рабами свободы не оказались нам.

В родной земле скорония мое тело,
Напищите на камне гробовом, надо мной:
«Она одной свободой хотела,
Одной свободой, ее одной».

Перевел с персидского
Владимир СОЛОУХИН.

* Довлат означает счастье.

Николай БЫКОВ,
Борис КУЗЬМИН,
специальные корреспонденты
«Огонька»
Фото авторов

I

Солнечная Молдавия встретилась затененным дождям. Дожди шумели даже по ночам. Кто-то из старожилов с недоумением заметил: «Обобщение ночной дождь для Молдовы не характерно». Стереотипный предвешенный мешок поник и струну и ее попер. Да, Молдавия, конечно же, солнечная — в прямом и поэтическом смысле зипета, ставшего обязательным: и гостеприимная, и справедливо эмблемой республики выбрано изображение прекрасной, но редкой птицы — белого аиста с гроздью винограда в клюве. Все так. Но год на год не приходится, как случилось именно в Молдавии поспать однажды в круассане, а не в уютной метели, когда ни прохити ни проехать. А теперь вот шил и шил, переваливаясь все планы, дождь. Теплые, зеленые, сплывающие технологические кадры и сроки запланированных работ в поле, саду, на винограднике.

«Рано приехали, у нас хорошо в сентябре, когда начинают давать виноград». Но мыто знаем давно, что в Молдавию надо приехать зимой, когда на дворе рано туманит, сыро, черные сушь акации и гледичия царапают черепицу, и чужой метер поскрипит дождю, то снег, а в подале дома гд-и-и-и в Чадир-Пунге на крыше, широкоразнолистный, с белыми лепестками, домашнего влкучного вида, сделанного «по-красному». Зимой в таком подале легко представить осветительный подале на винограднике. И все-таки приехать в Молдавию, пожалуй, лучше, потому что тогда светло падает лоза, обильно увлажняя землю между

ся на земле молдаван чуждо виноградного куста — грозди лозы, хитрости, каберне. Июнь в Советской Молдавии отмечен особой метой. В столице, в райцентрах и селах обязательно отыщешь улочку имени 28 июня. Историческая дата воссоединения Бессарабии с матерью-Родной. А вскоре, тогда же, в 1940 году, в самом начале августа, на сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики. И вот отделились отцами гордые сорос лет: упрочилась у дальних юго-западных границ Страны Советов власть на родная, полной кашей победой увеличилась сыпалась с фашизмом (Яссы-Кишиневский тобухнский котел ошлся в исторической памяти не одного народа), наконец, Молдавия зазеленила парю, отстронилась, заохотилась и стала привадром для всей страны в области дерого социально-экономического экспериментирования. Вот как много уместилось в четыре напряженных и славных десятилетия. Как в четыре строки традиционной поэмы молдаван — в ней и всплыл разлуки, и любовный шик, и клич победителя. Что и говорить — страна поэтов, Молдавия! Но поэты учат не забывать прошлого. Простудившись, все — молчаливый мир, мир, поэт бессловесный. Мой дед больше говорил глазами, больше — руками, больше — грудью алой, больше — плечиками ступилыми, больше — ногами старыми... Так написал ровесник республики Анатол Чокун. Внуки заговорили по-иному: по-нашему, по-советски — больше мудрыми книгами, больше громким кишиневским и тираспольским заводем, больше рущими шелк неба сверззукновым «аистами», больше немолчущими моторами в поймах Прута и Днестра, на всхолмленных виноградниках. Время бессловесных

— Руки, сияния, сияния — вот и все механизация. Наше земля была не нашей, этого сейчас не понять. Свои виноградники помещик сдавал в аренду англичанину. Мы вырвали виноград, но как я август арендатор приносил собственнн батраков, и те собирали грозди — до осенней ягоды. С целью борьбы с «потерями» даже рты ни завязывали, ей-богу, сам видел... Качали соев земли, качали вино...

Все живые. Леонид Николаевич — свидетель необратимых революционных процессов, характерных для страны, для нашего сельского хозяйства. Рядом с бригадиром часто можно видеть такого же деятельного, как он сам, парня. Это поддешный Филипп Неугос. Юноша из тех же мест, откуда и бригадир, а вот судьба его сложилась совсем иначе. Филипп не приди современному Красная Армия, не буди победы над фашизмом, тоже наверняка батрачил бы, как и положено было «бессловесным». И говорил бы он, конечно без пяти минут диссидентом, и агроном, больше русскими, больше ногами, грудью алой, плечиками ступилыми...

— Моя смена! Перспективный товарищ! — сказал нам в тот вечер — Филипп Бригос Леонид. Он был в Молдавии. Судите сам, от природы смелый, красавец, киноголо. Окончил техникум, отслужил в армии, скоро вот и в институте диплом получит. Довоенного отличия среди лавров. Он в поле всегда первый и заочно успевае учиться... Такие остаются на земле. Завидуя молодости нынешних.

Оставшихся на земле в Тиске юном. Здесь каждый второй рабочий фермы лм, виноградника лм — уцающийся. Уцающийся совхозо-техникуму одновременно является производителем многих сотен тонн томатов, яблок, мяса, молока, винограда, производимых в хозяйстве.

О ПЕЧАТНОМ

рядий окрест Калараша. В пору нового луня и новой брыжмы. Тогда модры покрываюотся зеленой шумкой истисны. Конечно, неплохо приехать в Молдавию и в самый полноводный год, — зашедшее солнце надолго останавливается в зените, сушь горячая земля за окнами, а по полюбожилась как стел Гиски, Сукиен либо Этули, блики обжигает босе суля, и свядно дымящие цветущих виноградных кустов. Тогда в долнных нализуются возбуджающие красотой силны, черешня, томаты, перси, и возле каждого дома в любом городе и любой деревне очен картинно осыпается розой...

А вообще-то в Молдавию надо жить. И лишь тогда полюбишь все же четыре времена года. Тогда смеешь, невольным союзником, всех работ деятельного союза земли, солнца и зеленого лизка, оруженником тех, кто поет знаменитые дойки, умеет преследовать кабана в днестровских плавнях, кто с любовью выхаживает бесчисленные виноградные лозы, кто всей стране отгружает круглый год шелковые ткани из Бендер, откуда же электрокабели, знаменитые тираспольские сорочки и откуда же — таежное лизко, а из Кишинева время от времени — зажиточные киоленты студии «Молдова-фильм».

— Запах яблок, запах яблок, дыноктан, как жар в поле, яблок пушкинские зыбы буудт делю на заре, — все кажется, не этими ли строками встретил нас в новом кишиневском аэропорту журналист и поэт Мариан? С бетонной террасы открылись, зовущие даль Молдовы, и совсем рядом, рукой подать, издалека красной город — новый Кишинев. Было лето, молодое лето. Стоял свежий и стройный, как перья лупо, зеленый июнь. Гулко кричала июльга, над холмами клубились грозючие облака, и вдруг обожгло глаза и ветровое стекло автомашинны солнце — то самое, под которым рождает

отолшо в небытие. Сегодня крепкие живые голоса создания звучат над Молдовой.

II

...Садилось солнце, но самого интересного Леонид Николаевич еще не досказал. Леонид Николаевич — бригадир в Тиске, человек отличного виноградника и образцового стана (со своим заветным подвалом) лучшей бригады совхозо-техникума. О совхозо-техникуме Каушанского района речь впереди, а сейчас интересно каждое слово седоватого, мощного в свои за шестидесять виноградяра. Юные годы Леонид Николаевича пришлись на те времена, когда здесь, за Днестром, хозяйствова довольно крупное земледельческое, мясное, так сказать, помещици. Странно было держать все время на уме: наш собеседник, тогда деятельный, Герой Социалистического Труда, жиллоб и наставник молодаты, а свое время батрачил на холмистые, ставшего в 1940 году центральной усадьбы совхоза «Леонтьевский» Суворовского района.

Совхозо-техникумы — гордость Молдавии. А тот, что в Гиске, Каушанского района, — пожалуй, лучший. Возглавляет Молдавский ордена «Знак Почета» планово-экономический совхозо-техникум агроном и кандидат экономических наук Николай Георгиевич Митш.

Еще раз вспоминимся — к слову пришли — стихи Анатола Чокуну: «На живых крылах молдавский город высится в полях. Точно за меченом и Кишинев, и Тирасполь, и Бендеры — города Молдовы поднялись в полях. И над полями Ултым, академическим городком выглядят многоэтажные хозяйства Николая Георгиевича».

Это о нем говорили нам в Центральном Комитете партии, как о человеке в республике авторитетном. Авторитетном именно в области организации труда, экономической целесообразности внедрения всех перспективных, проверенных практикой, жизнью. Отмечена была и педагогическая жинка в целеустремленном, напоистри характере Николая Георгиевича. Секретарь ЦК Павел Петрович Петрик так и сказал: «Вы непременно познакомитесь, как Митш верит

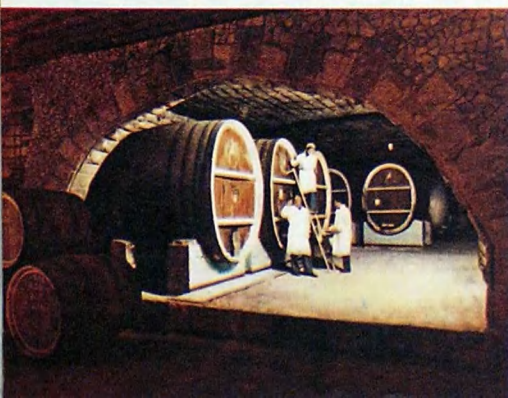
Прекрасен новый Кишинев. Проспект Мира приглашает в столицу Молдавской ССР. * Тираспольский завод «Литмаш» имени Кирова. Спесари-борщики бригады Владимира Илизавича Остапенко заволавызали бригады имени героев-космонавта Ю. Рыбаченко. * Спортивный стадион имени Свердлова, Спободзёйского района. * Диканат, что жар в поле... * Юнь в межхозяйственном саду-гиганте «Память Ильича», Спободзёйского района.

НА РАЗОВОРЕ ВКЛАДИ: Отец и сын — мастера кобальной работы. Ильявич — депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, начальник лучшего в Суворовском районе мотозаезда Семен Мефодиевич Лунгу, рядом — Илья Лунгу. * Победная жатва молдавской пятилетки.

ДО СВИДЕНИЯ,

Любовь ЮНИНА

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

«Здравствуй, папочка! Не знаю, дошли ли тебе письма, которые мы посылали с дороги. Боюсь, что нет. Потому что одну станцию, на которой я отпустила письмо, говорят, разбомбили, как только отошел наш поезд. А на другой почтовый ящик был сломан, я боялась отстать от поезда и не стала искать другой. Но боялась напрасно, светофора нам не давали еще два часа, и мы все это время просидели в теплушке.

В теплушке, конечно, тесно и душно. Это, знаешь, обычные товарные вагоны, но их сделали разгрузочными, и у каждой семьи получились как бы свои площадки. У нас с мамой и Тошкой тоже такая площадка. Я спала на верхних нарах, а мама с Тошкой на нижних.

Ты за нас не волнуйся, все было нормально. Главное сейчас — это наши дела на фронте. Но я верю, что враг скоро будет разбит. Конечно, внезапность нападения фашистов позволила им временно занять нашу территорию, но я верю, что мы победим. Мама вообще очень сомневалась, надо ли нам эвакуироваться, а потом все же решила. И решила ехать к бабушке, в деревню. Мы думали, что от поездки получишь твое письмо, но прошло слишком мало времени. Мама договорилась с соседкой, что писать тебе сначала мы будем на московский адрес. К тому времени придет от тебя письмо с номером полевой почты, и она перешлет.

Поезд шел очень медленно, подолгу стоял: то пропустили военные эшелоны, то бомбежники были. Я не хваляюсь, папочка, но налетов почему-то не боялась. Наверное, привыклась мне, что ты ушел вместе с мамой. А вот мама, она же у нас трусиха, боялась.

Папочка, мы приехали только сегодня и еще толком не устроились. Так что писать кончаю. Крепко целую тебя, до свидания, папочка, и здравствуй.

Твоя дочка Вера.

Я редко вспоминаю эти семь дней, проведенные в теплушке, и мне казалось, что я совсем забыла ты далекую пору. А сейчас, прочитав письмо, вдруг вспомнила. Не все, конечно. Многие подробности стерлись.

Я помню первые дни войны. Мы жили в Клязьме, в доме отца, астрем; я, мама и младшая сестра Тома, которой шел седьмой год. Я только что окончила пятый класс, неважно окончила, потому что весь год болела ангиной, а в мае мне сделали операцию и удалили аппендикс. Папа приезжал к нам ни в субботу вечером, ни в воскресенье утром. В ту субботу, 21 июня, он не приехал. Не приехал и утром в воскресенье. Мы позавтракали и вернулись к себе в комнату. Мама неважно себя чувствовала, она ждала третьего ребенка. У меня же была интересная книжка о Робине Гуде, которую вечером надо было вернуть, а Тома вообще всегда ходила за мамой хвостиком. Папа не приехал и к обеду. Когда мы спустились в столовую, там было

уже совершенно пусто. Официант, стоя на стол теревши с супом, спросил:

- Ваш темень уехал?
- Куда? — удивилась мама.
- В Москву.
- Он и не приезжал. Мы его к обеду ждали, да что-то задержался.

Господи! Я и запыталась, что он не завтракал с вами. Теперь уже не придет, наверное, — грустно сказала девушка.

Да что случилось, Оля? — встревожилась мама.

Она удивленно поглядела на нее и вдруг поняла, что мы ничего не знаем.

Война началась. Фашисты напали сегодня утром на нас.

Из тех дней в Клязьме я помню, как мы заклеивали окна бумажными полосками крест-накрест, как рилили траншеи, что прятаться в них от бомбежек, и не страшные еще в ту пору ночные воздушные тревоги.

Война еще не поломала привычного уклада клязьменской жизни, она была далека, даже сводил Свинордиборио не выжили в этой дачной тишине особой тревоги. Казалось, что все кончится через несколько дней и фашистов вышвырнут с нашей земли. Я, как и все, ждала, что завтра тогда фразу, что и своей земли ни одной гряды не отдадим.

Но дни шли, и война все шла и приближалась к нам.

Больше всех людей на земле я любила своего папу. Большие мамы. Они поженились совсем молодыми. В сорок первом мне шел тринадцатый год, а папа исполнилось всего тридцать четыре. На всем балом света не было у меня лучшего друга, не маме поверяла я свои тайны, а ему. У него во всем спрашивала совета. Наверное, он очень хотел иметь сына, но рождалась девочка. По характеру была тихоня и плавная, он учил меня быть смелой и твердой и вообще воспитывал меня так, словно я была мальчишкой.

Я помню, как до войны мы смотрели фильм «Генеральный». Катина была о войне, о будущей войне, и, хотя никто не представлял себе тогда истинные размеры жестокости фашистов, в ней были scenes, страшноватые для меня. И я закрыла глаза, сказала:

— Я не буду это смотреть. Скажи, когда кончится.

— Открой глаза, — шепнул мне отец. — Нельзя закрывать глаза на жизнь. Надо быть готовой ко всему. А если война, ты что, тоже глаза закрывай?

Я открыла глаза. Мне было страшно, но я встопычила в себе само. Ах, если бы мой сын сегодня, спустя три с лишним десятилетия после того, как отстрелил салюты Победы, понял, как важно воспитывать в себе силу воли.

В конце июня мы переехали в Клязьму в Москву, и папа ушел на фронт. Я очень тосковала о нем, я не боялась, что его убьют, я не верила в то, что он может погибнуть, просто мне не хватало его.

«Здравствуй, папочка! Очень скучаю о тебе. Мы живем нормально. Тома здорова, звала похаживать по парку. Завтра много девочек ее возраста, есть и завукарированные из Москвы. Она еще глупенькая и совсем, по-моему, не понимает, что идет война, все время просит маму купить ей ирисок.

Я принаблюду потихоньку к деревенской жизни. Оказалось, я ничего не помню о ней. Ведь мы приехали в меня сюда, к бабушке, когда еще было пять лет.

С питанием нормально. У бабушки есть кури. На огороде растут картошка и просо. Бабушка научила меня полоть просо, и я в мае извлекла из почвы осы, а баба не бабушка прикладывает мне подорожник, и уже лучше.

Здесь о войне ничего не напоминает, радио нет, большие газеты никто не выписывает, а

маленькая районная приходит раз в неделю. Бомбежек нет, от станции двадцать километров. Я очень рада, что война окончилась. Мама до сентября, я не знаю, как я буду учиться. В селе только начальная школа, а десятилетка на станции, в райцентре.

Папочка, книг здесь мало, читать почти ничего. Но я хожу по соседям и у кого какую книгу найду, прошу почитать. Прочла «Повести Белкина» А. С. Пушкина, книжку «Маленькая женщина» В. Мейер, там девочка не читает девочки из класса, помню, она мне тогда очень понравилась! Я ложусь спать и мечтаю: может быть, утром проснусь, и у меня, как у маленькой принцессы, начнется счастливая жизнь.

Да, забыла тебе сказать, что у нас в Пензе на вокзале украли чемодан, в нем как раз были книги с Тошкой теплые вещи. Мама расстрелялась, в чем мы будем ходить, когда станет холодно. Но я думаю, что осенью мы уже будем дома, а дома, ты сам говорил, и стены помогают.

Крепко целую тебя, папочка, до свидания и здравствуй!

Твоя Вера.

Мы приехали к бабушке, помнится, совсем без денег. Все, что было дома, мама взяла с собой. Бабу, наверное, немного, раз все разошлось по дороге.

У бабушки, жившей одиноко, запасов больших не было, только-только, дотянуть до нового урожая. По меркам довоенной жизни, она жила неплохо, но несомненно скучившаяся на еду. В ее доме уничтожили их очень быстро. Корова у бабушки не была. Обычно литр молока ежедневно давала ей дойка Катя, но у нее было четверо детей, и поэтому выдвигать Больше она не могла, зато литра два, конечно, не хватало. Куры неслись каждый день, но бабушка все яйца нам не давала, собирала десяток и мариновала, когда на следующий день надо было.

Хотя и шла война все еще лишь два месяца, но питались мы скудно. Тома не понимала, что нам не на что купить еды, что надо потерпеть, когда поспет картошка, зныкала, просила еще яичко или молока. Мама совсем поперчила липою, острый живот некресиво вымывал из высшего шитьевого халата, который она здесь носила. Мама вдруг как-то неожиданно состарилась. Больше всех я жалела в ту пору маму, а глупую сестренку, которая была и канонична, я совсем не жалела.

Как-то бабушка в течение нескольких дней не давала молока. Она договорилась с соседкой, что та за два десятка яиц даст нам немного масла. Но когда бабушка собралась в соседку, оказалось, что в лужайке не хватает трех яиц.

— Кто-то яйца взял, — расстроено сообщила бабушка, входя в избу. И посмотрела на Тошку.

Вера. Я не брала, — взвизгнула Тома. — Это Тома, я знаю, Верка.

Бабушка сокрушено покачала головой, и мои слова не сказав, вышла из избы. Она не хотела искать виноватого, понимала, что обе мы одинаково недовольны, а я, пожалуй, даже больше. Наверное, она подумала, что Тома своей вины, а в том, что это сделала, я, она была уверена. Я так и не знала, что она думала об этой истории, она никогда к ней не возвращалась и, судя по всему, никогда не скажет и маме.

Но в тот раз, едва бабушка вышла из избы, я подлетела к сестре и изо всех сил ударила ее по щеке.

— Не плачь! — прошипела я.

Она не закричала, втянула голову в плечи, прикрыла лицо руками и часто-часто затряслась.

— Ты ворковала, ты понимаешь это! — Гнев и

ПАПОЧКА, И ЗДРАВСТВУЙ!

ненависть душили меня. Я схватила ее ладони и силой отвела от лица. — Гляди мне в глаза! Господи! Какой это был взгляд! Я помню его и по сей день. Все было в этих круглых детских глазах: отчаяние, беззащитность, молаба... и почти животный страх.

— Я не бу... бу... Ах... — замялась, прошептала она. — Не бей меня... пожалуйста.

Острая жалость пронзила мне сердце. Я схватила ее, прижала к себе. Я старалась сдержать слезы, но они текли и текли по моему лицу. Я прижимала к себе ее худенькое тельце и, пожалуй, впервые обнаружила, как тогда она, почти бестелесная, как беспомощно выпирают ее маленькие детские косточки. В ту минуту я почувствовала себя совсем взрослой, я подумала, что, когда отец учил меня мужеству, он включал в это понятие и долг защищать слабого.

«Здравствуй, папочка! Очень соскучилась по тебе. Живем, как прежде. Мама родила мне сестричку. Мы назвали ее Лидочка. Но через пятнадцать дней она умерла. Папочка, может быть, это к лучшему, что ты так и не видел ее, иначе бы ты сильно переживал. Мама болела после родов, и у нее совсем не было молока. Лидочка плакала все время, а я носила ее по избе и качала, она немножко успокаивалась.

И мама и я сейчас работаем в колхозе, убираем свеклу. Папочка, я знаю, что поступаю нехорошо, но ты прости меня. Я каждый раз, уходя с поля, уношу в узелке свеклу, только одну, папочка. Это кормовая свекла, она не для фронта, ее скот потом будут кормить. Я беру эту свеклу для Томки, она так любит сладкое. Бабушка знает, а маме мы не говорим, она будет сердиться. Я режу свеклу на маленькие дольки, а бабушка ставит их в горячую печь. К вечеру она становится мягкой и сладкой, как конфетка, и Томка лакомятся. Она очень выросла, только худенькая. Прости меня, папочка, за эту свеклу, ведь ребенку надо сладкое.

Очень беспокоят сводки с фронта, но я верю в победу.

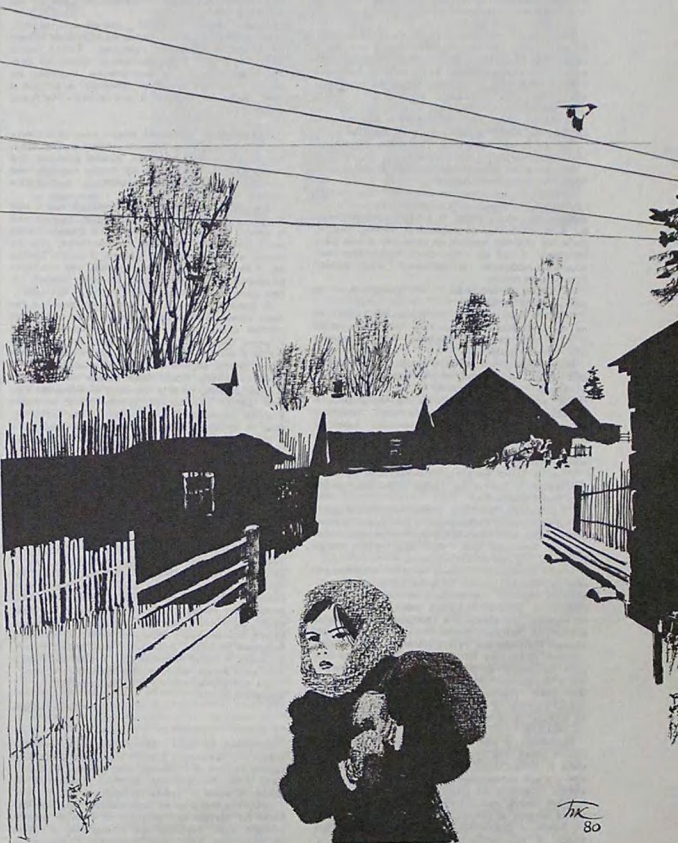
Я подружились с дедом Овчаром, есть тут такой старик, он бабушке даже дальним родственником приходится. Он все время библию читает и располагает людьми. По библии мы победили зимой, когда морозы будут, враги при наших морозах воевать не могут, как Наполеон не мог. Но только фашистам никак нельзя Москву отдавать, как французам отдали. Никогда нельзя, папочка. Тут я не согласна с ним, хотя он говорит, что история повторится. Он и мне давал библию читать, но я ничего не помню.

Крепко целую тебя. До свидания, папочка, и здравствуй.

Твоя Вера».

Это папа еще в совсем раннем моем детстве придумал, прощаясь, говорить мне «здравствуй». Это значит, говорил он, «будь здоров». Мой папа до войны работал в Наркоминделе, и несколько лет мы жили в Финляндии в нашем полпредстве. Папа хорошо знал и немецкий, и финский, и шведский. Когда мне было лет шест, в Москве заболела мамин старшая сестра, и мама уехала за ней ухаживать. Мы с папой месяца три остались одни. Сверстников моих в полпредстве не было, поэтому все время мы проводили с папой. Он сидел за письменным столом, а я за его спиной в глубоком кожаном кресле читала. Я рано научилась читать. В ту пору, укладывая меня спать, он говорил мне: «Ну, здравствуй».

Это слово между нами было как пароль, как заклинание. «Здравствуй» — говорили мы, прощаясь. Поэтому и заканчивала я свои письма отцу на фронт словом «здравствуй». Но ты лето, солнечное тепло помогали всем нам легче пережить невзгоды, то ты люпо-

жение на фронте не казалось столь угрожающим, но до ноября мы еще рассудили, что, как вернемся в Москву, как начнем новую жизнь.

Но наступил ноябрь, и мечтать о том, что война скоро кончится, становилось все труднее.

Я пыталась представить, как мы жили тогда, и не могу. Я помню каждую деталь в отдельности, вместе все соединить не могу. Плохо проплетенная изба, котлилка на столе. До чего было, наверное, темно и как при этом свете я умилялась читать! Мама, которая очень изменилась с тех пор, как мы уехали из Москвы, сидит на лавке в углу под образами и вяжет. Она умела вязать, не глядя на спицы,

и темнота не мешала ей. Бабушка с Томкой большую часть вечеров проводили на печке. Обе часто прихварывали. Было ли это все!

«Здравствуй, папочка! Никому я об этом не говорила. Я уже перестала быть ребенком, сейчас воюют и те, кому мало лет. Фашисты под Москвой, от нас фронт тоже недалеко. По ночам видно зарево. Я решила уйти в партизаны. Я не боюсь. Я воспитана в себе волю и ничего не боюсь. Три дня я отдавала Томке свой хлеб, и мне ни разу не было жалко. Когда мы летом пополни просо, у меня ладони в кровь были изрезаны осыкой, я все равно работала. Я клала на огонь котлилки руку, мне было очень больно, но я терпела. И по сны

цветами разрисовала, потому что была зима и цветов не было, и мне жалко было маму, мне казалось, что цветочки эти нарисованные, ее утешают.

Глухая, какая я была глухая. Прости, папочка, я все письмо залила слезами, прости, и возьми себя в руки. Возьми. Я сильная. Меня voleva всему научила. Я взрослая. И Томку я выращу. До свидания, папочка, и здравствуй! Вера».

Я положила тогда в гроб бабушку свою единственную фотографию со школьного билета. Мне казалось, что так она будет не одна, что я останусь с ней и не порвется наша связь.

Я очень переживала смерть бабушки и растерялась в ту пору. Я плакала не порекаясь и плохо понимала, что делала. Наверное, сейчас было бы напряжение этого трудного года. Я опомнилась, когда пришел дядя Яков и сказал:

— Ну вот что, идемте ко мне жить. Где четверо, там и шестеро. Одной тебе не справиться.

— Сдюжить,— вдруг упрямо сказала я.— Никуда из бабушкиного дома не уйду.

И я стала жить. С помощью. Обыкновенных братьев вскопала огород, посадила картошку, топила по утрам печь, варила полбебку, печка блины. И я колхозе я работала, как, впрочем, многие девочки моего возраста.

«Дорогой папочка! Завтра мы уезжаем в Москву. Тетя Наташа все сделала. Дом бабушкин я оставляю в порядке. На бабушкину могилу поставила ограду. Только покрасить нечем. Но вот война кончится, приеду, все сделаю как надо.

До свидания, милый папочка, и здравствуй! Крепко целую.

Вера».

Павловой М. Ф.
«Завтра, 13 марта. Сообщаю Вам, что Ваш муж Петров Андрей Иванович погиб смертью храбрых 13 августа 1941 года в боях под городом Николаевом».

Эту похоронку я нашла в почтовом ящике вместе с двумя своими письмами, отправленными с дороги, когда вернулась в Москву летом сорок второго года. Соседа, с которой мы договорились, она не получила. Наши письма улетели неизвестно, следов за ними.

Папа ушел в бой, не успев послать нам ни одного письма и не получив наших. Он даже не знал, что мы эвакуировались. И мы не знали номера его полевой почты.

Я писала отцу письма из деревни и ждала, что когда получу его адрес, то отправлю все сразу. Я испытывала потребность делиться с ним всеми событиями нашей жизни. Ни на одну минуту не верила я, что он может погибнуть, что его могут убить.

Не поверила я и в похоронку, хотя там говорилось, где и когда он погиб. Я считала ее в самый дальний ящик письменного стола вместе со своими письмами и никому о ней ничего не сказала. И маме не написала. Я думала, что она тоже не верит в гибель отца. Хотела быть, она ушла на фронт, потому что решила, что он погиб, и хотела занять его место. Я не знала и никогда не узнаю, потому что мама погибла в марте сорок пятого года под польскими городами Сопотом.

Я сложила стопкой треугольнички, на которых было написано две строчки:

«Полная почта №».

Петрову Андрею Ивановичу».

На моем столе в деревянных рамках две фотографии. На одной мама в военной форме, но лицо у нее нежное, грустное, совсем не солдатское лицо.

На другой отец. Я сфотографировала его в жаркий августовский день на даче. Он стоит возле дома в белой рубашке с короткими рукавами. И, несмотря на свои шестидесять, не выглядит старым. На руке у него возле локтя четко пропечатались длинные строчные цифр. Это номер, под которым он находился в фашистском концлагере.

Отец никогда не читал моих писем. Когда он вернулся, они стали прошлым и, как мне казалось тогда, потеряли смысл. Но сейчас я думаю, что даже в прошлой жизни имеет свой смысл и определяет будущее...

ВСТРЕЧА ПО РАЙОНЕ!

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Прага.
Детский сад на прогулке.
Фото
А. ЮРЬЕВА

Герман УСТИНОВ

Это было в моих глазах. Виктора Дитингера, старого братиславского каменища, долго уговаривали не уходить на пенсию. Предлагали перевести на должность полече. Однако пожилой человек в брезентовой куртке стоял на саеом. С девяти лет больше полувек, строит он Братиславу. Сердце уже не то, надо и отдохнуть. Раставаясь с директором строительного треста, с секретарем партокома, Дитингер сказал:

— Спасибо вам за добрые слова. Видели бы мы, как в старые времена я, тогда молодой, заводской парень, умолял начальство не увольнять меня со стройки. Годы мои не зря, работу и с горечью сознавал, что мои руки никому не нужны.

Сотни тысяч людей буржуазной Чехословакии в 20—30-е годы покинули родину в поисках работы. Кто бы стал тогда уговаривать пожилого человека не уходить на пенсию! Да его бы вышвырнули в первую очередь — рабочие руки дешевле всего!

Сегодня в Чехословацкой Социалистической Республике рабочие руки дороже всего. Они самое ценное достояние государства.

«Требуется!» Приглашения на работу занимают в чехословацких газетах порой целую полосу. В них обязательно встречаются такие слова: «Завод имеет обширные гостиничного типа», «Есть возможность получения квартиры в течение двух-трех лет», «Восполагаем крупную учебную базой для повышения квалификации», «Имеем свой дом отдыха в горах». Заводы, шахты, стройки словно соревнуются, у кого лучше поставлена забота о трудящихся. Благо народа — высшая цель политики КЧМ, чехословацкого государства. Но в то же время каждое предприятие еще ревниво следит за тем, чтобы его работники имели все необходимое, чтобы их не мучили, ниче города и веси. Занятости о кадрах, об их закреплении требуют обстоятельства весьма серьезные. ЧССР принадлежит к странам с самой высокой трудовой занятостью. Как говорится, мне министр труда и социального обеспечения Михаил Штанцель, в республике работает 50 процентов населения. Свободных рук сегодня практически нет.

Итак, проблема ясна. Как же она решается? Ответ на этот вопрос я бы разделила на две части. Прежде всего делается ставка на технические прогресс, на рост производительности труда. Большие вымания стало уделяться трудовой дисциплине. Подсчитано, например, что улучшение использования рабочего времени в рамках смены всего на один процент равноценно включению в общественный труд 70 тысяч человек. Эти цифры хорошо извест-

ны на предприятиях, ими руководствуются не только командиры производств. Точно и точно действуют как моральные, так и материальные стимулы.

Без сомнения, все перечисленное хорошо знакомо нашим читателям. Подобные проблемы мы решаем и мы. Поэтому я бы хотел более подробно остановиться на второй группе мер, направленных на улучшение ситуации в области трудовых ресурсов. Тем мер, где более существенно пропагандирует чисто чехословацкий опыт.

Нынешняя нехватка рабочих рук в республике объясняется отчасти тем, что в шестидесятые годы здесь наметилась тревожная тенденция к сокращению рождаемости. Рост материального уровня семей. У людей появились новые потребности. И в перечень жизненно важных понятий ребенок нередко входил благодаря на отпусковенное место. Его вытесняли автомобили, кооперативная квартира, дача и даже зарубежный туризм.

Сыграл свою роль и резко возросший уровень образованности женщин. Казалось бы, явление сугубо положительное. Но и оно дало побочный эффект. В конце шестидесятых годов вдруг стало ясно, что среди женщин существуют целые социальные группы — врачи, учителя, работники науки и искусства, — где рождение ребенка стало радостью.

Произошедший в 1971 году XIV съезд КПЧ обратил внимание на эту тенденцию. На основе решений съезда в республике была разработана активная, я бы сказал, наступательная демографическая политика. А для ее реализации создали специальную правительственную комиссию, которую возглавляет заместитель председателя правительства ЧССР Милан Лунан, ведающий вопросами здравоохранения, культуры, просвещения и спорта. Истори, сам отец двоих детей.

По инициативе комиссии или на основе ее рекомендаций в семидесятые годы было значительно увеличено производство детских одежды и обуви, детского питания. Расширился и становился более продуманным строительством яслей, садов, школ и больниц. На все это, естественно, куда щедрее, чем раньше, выделялись средства и материалы, а комиссия строго контролировала, как они используются. «Демографическим» заказам заводы и стройки отрывали значительные ресурсы.

Но можно дать рекомендации госплану и министерству, перевернуть деньги из одной бюджетной статьи в другую, распорядиться нерасторопного директора... А вот как к делу подключить людей, которые вступили в брак три года назад и совсем не торопятся обзавестись ребенком? Их ведь не приглашали на заседание комиссии. Таких семей в 1971 году насчитывалось около пяти тысяч — каждую шестую среди супружеских пар, где муж и жена моложе 35 лет.

Широкое обследование, организованное комсомиской, показало, что молодцы супругов чаще всего сдерживают небольшие заботы и расходы, связанные с рождением ребенка. Вот почему государство пошло на более активное поощрение материнства. Собственно, к этим мерам прибегли в семидесятые годы почти все социалистические страны, каждая сообразуясь со своими условиями и возможностями. В Чехословакии, например, был увеличен декретный отпуск, пособие на детей при рождении третьего и четвертого ребенка, введен Союзный кредит на приобретение кооперативной квартиры и ее оснащение мебелью, бытовыми приборами. Срок погашения кредита—десять лет. Если раньше задержка с выплатой пособия списывалась часть ссуды. К этой помощи прибегали два трети молодых мам.

Комиссия решила прибегнуть к своим заботам и публицистов, психологов, педагогов, врачей, певцов, кино, телевидения. В республике настоятельно и терпеливо стал создаваться культ матери, культ ребенка, культ семьи—семья в полном смысле этого слова. Кникой деликатной и, казалось бы, неуловимой, сферы коснулись общественно—эдукационные. И вот в 1970 году в республике родилось 228 тысяч детей, в 1971—м—237, в 1972—м—251, в 1973—м—277 тысяч. В 1974—м—293 тысячи детей—пришло на 1974 год. Целевая программа пилотной партии в области народонаселения дала ожидаемый результат. И в последующие годы рождаемость в стране ставалась на высокий уровень: 270—280 тысяч малышей в год. Отсюда у республики уверенность, что после 1985 года положение с трудовыми ресурсами значительно выправится.

Значит ли это, что обществу не осталось ничего другого, как наступления на вату? Молодой семье? Конечно, нет. Наряду со «стратегическими» мерами ЧССР активно старается использовать и все свои нынешние возможности.

«Любовь против ботинок!»—такой шуточный заголовок увидели в антографии самого крупного чехословацкого обувного комбината «Святя». Газета приводила любопытные цифры. В начале четвертой пятилетки предприятие производило обувь на сумму 100 миллионов чешских крон. В начале пятой пятилетки их количество увеличилось до 2167. В первом году шестой пятилетки в длительном отпуске находилось 3512 мам. На «Святю» работают в основном женщины. Попробуй выполни план, когда каждая десятая «штатная единица» надолго покинула свое место у конвейера Выход довольно просто надо сделать так, чтобы работница после рождения ребенка не задерживалась дома на долгие месяцы. Уже семь лет подряд заводская отдел кадров рассылает анкеты всем мамам, ушедшим в отпуск. Намечены ли вы вернуться на комбинат? Если да, то как скоро? Если нет, почему? Ответы изучает специальный совет при дирекции, куда входят несколько руководителей главных служб комбината. Депутаты городского народного комитета, представители общественности. Изучают, чтобы принять реальные меры.

В начале прошлой, пятой пятилетки, к примеру, совет рекомендовал предприятию выделить на строительство детских учреждений 25 миллионов чешских крон. В Готвальдовское появилось несколько новых крупных детских учреждений, строить их помогал весь коллектив. В шестой пятилетке совет предложил директору «Святю» выделить на сооружение детских садов и खेल уже двенадцать миллионов крон. Сумма, хотя и была почти втрое больше предыдущей, спора не вызвала: настолько авторитетный стал на комбинате этот общественный орган. Никто не стал спорить и против другого предложения совета: новые детские учреждения решено было построить не только в садоводстве и селах. Многие работницы «Святя» живут в 30—40 минут езды от предприятия, и им, конечно, удобнее оставлять своих малышей по соседству с домом, чем возить их на автобусах... Так «Святя» восстановил плановость работы и непрерывный ход обувного конвейера.

Теперь посмотрим на эту проблему с более высокой точки. Госплан Чехословацкой Социалистической Республики установил на 1975 год 22 600 человек. В действительности прирост составил 26 200 человек. Ошибся госплан? Да, но эта ошибка, как считают, из приятных. Она велела строить детские ясли и сады. Женщины могли сразу после отпусков вернуться на работу. В 1978 году по этой же причине прирост составил 22 тысячи новых работников, а в 1979—27 200. Столь же бурно строительство велось и в Словакии. Спокойные за своих малышей, возвращаются молодые мамы на фабрики и заводы, на заводы пеньки, на строительные площадки.

Несколько лет назад один мой практический знакомый, директор аптеки Гаушом пивной «У чашки» Франтишек Урлик, пригласил меня принять участие в его торжественном приеме. Делю было востановлено. Сослуживцы подарили ему перья топиальны и, конечно, символическую чашу—струнную оловянную кружку для пива. Чтобы помнить о своей семье уважаемой в Чехословацкой профессии ресторатора.

Впервые в жизни неуловимый пенсионер провел целое лето с женой и внуками на даче. Косвенно затосковал. Обывковичи не могли понять, что находились с ним в привычном зомбате. В сентябре твердо решил: хватит бездельничать, надо возвращаться на работу. «У чашки» как-то не в руки—зачем сидеть на новом директоре? А вот в соседнем ресторанчике «У пехотинца», где он начал когда-то свою трудовую жизнь, стоило попробовать...

Вот уже больше двух лет Франтишек Урлик работает на работу. Трудится официально. Высокий, худой, чуть сутуловатый, он стремительно носит между столиками и закулисами. Помоладел, повеселел, об уходе из заслуженных отпусков не слышал. А вот в соседнем ресторанчике «У пехотинца», где он начал когда-то свою трудовую жизнь, стоило попробовать...

В Праге не хватает не только официантов. В некоторых заводах работают только в одну смену. Как сообщил мне заведующий гордским плановым отделом Милан Сикора, дефицит в рабочей силе составляет 30 тысяч человек. В начале шестой пятилетки в нем обратили пристальное внимание на пенсионеров. Их здесь триста тысяч—каждый четвертый житель города. Многие—люди не старые. В ЧССР средняя продолжительность жизни у мужчин и 57 у женщин (правда, за каждого ребенка женщины снижают пенсионный рубль на год). Но он, сегодняшние пенсионеры? Как правило, рассказывала мне заведующая гордским отделом социального обеспечения Мария Страндова, это вполне здоровый человек, энергичный, обладающий богатым опытом и житейской мудростью. Исследования показали, что пенсионеры дают более добротную продукцию, бережливее обращаются с орудиями труда, сырьем и материалами. Они привлекательны с клиентами и посетителями. Я был очень удивлен, когда Страндова сказала, что они реже, чем их молодые коллеги. Присутствие в коллективе пожилых работников, как правило, благотворно воздействует и на моральный климат. Старые работники не только не мешают и влияют на молодежь, они хорошие наставники.

Среди начинающихся пенсионеров и решено было создать дополнительные рабочие группы. За год в Праге работали 52 тысячи пенсионеров, в 1975—м—74 тысячи, а в 1978—м—80 тысяч. Немалое значение тут имело стремление самих ветеранов остаться в рабочей силе. Но правительство позволило и обязательная их часть полностью получает и пенсию и зарплату—работники физического труда в различных отраслях промышленности и в сфере услуг, общественного питания, здравоохранения, в коммунальном хозяйстве. Имеют они и другие возможности: получают пенсию и зарплату, но зато получают бонусы, увеличиваясь каждый год на семь процентов. В ближайшем от нашего дома приемном пункте прачечной уже десятый год работает пенсионерка лия Ирина. Ее устраивает второй ва-

риант. Она увеличила свою первоначальную скромную пенсию (600 крон) до тысяч. Столько же она получает и в первом, широко привлекать пенсионеров к общественному труду. Есть, скажем, такая «малооплачиваемая» категория, как бабушки, воспитывающие внуков. Детский садик в роддоме не хватает, сейчас как грибы. И многие уже не старые женщины смогут вернуться в строй, заняты то или иное место, которое им по силам.

А в целом стране становится сейчас 800 тысяч работающих пенсионеров. Это каждая десятая часть рабочих рук.

Слушается, что новый обычай, новая традиция—после окончания строительства строить свою судьбу. Именно так стало в АЧССР со знаменитой акцией «Зета». Ее идея выдвинута в 1948 году первым рабочим президентом ЧССР Климентом Готвальдом. В то время была фраза «Зета» означала, что перевод означает «улучшение», «совершенствование». А конкретное содержание акции—общественные стройки, ведущиеся в разное время, в разное свободное время, без всякого вознаграждения.

Республика, разумеется, имеет масштабную «национальную» строительную программу, которая финансируется из государственных и полностью финансируется из центральных и местных источников. А все, на что у государства пока не хватает сил и средств, но что хотели бы иметь жители городов и сел, строится с помощью акции «Зета». Естественно, эти стройки ведутся тоже по плану, включаются в избирательную программу каждого национального комитета, для них выделяются, как правило, из жилищной строительные материалы. И с технической особая затруднений нет: промышленные предприятия, особенно дают на субботы, воскресенья, выходные дни, автомобильные, краны, бульдозеры. Невозможно подсчитать, сколько разных объектов появилось таким путем в Чехословакии за годы социализма. Дома культуры и стадионы, бани, детские площадки, дороги, коммунальные сети...

Много раз приходилось мне бывать в колхозно-кооперативных хозяйствах. Заведущий труб над городом не счесть: тут и металлургия, и тяжелое машиностроение, и энергетика. И вот зелени в окрестностях было мало. В 1964 году директор завода «Торн» в городе Лепетово депутат национального комитета Вальтер Маркел предложил создать на подступах к Хомутову большой лесопарк. Национальный комитет поддержал эту идею. Уже планились лет тысячи энтузиастов в свободные часы ведут эту стройку. Более чем на два гектара расплодился уже взрослая каштановая роща. Гладь искусственных прудов, топиистые тропинки, ухоженные зеленые поляны. На берегах и специальных островах гнездится много птиц, живут здесь бобры, белки, зайцы, олены, серны, фазаны. Есть конноспортивный клуб, есть детский дом, где ребята еще мерзавцами подарили окрестные сельскохозяйственные кооперативы... Такого лесопарка нет больше ни у одного города республики, но Вальтер Маркел не оставляет отсюда не считают дело завершенным.

Подобных историй можно было бы рассказать немало. За три года нынешней пятилетки в Чехословацкой Социалистической Республике в рамках акции «Зета» сооружены объекты стоимостью 11,5 миллиарда крон. Трудящиеся безвозмездно отработали на них 88 миллионов часов. Везде, где была инициатива, не поддерживая ее государство, в деревнях, селах и городах страны не было бы сегодня многого из того, что украшает жизнь человека.

Прага, как и все Чехословакия, просыпается рано. Когда я спешу в путь утра к открытию газетного киоска, на улицах уже тесно. Беззвучно, без шума, без толпы, без толпы, без толпы на смену. А когда она кончается, в разные концы страны и за ее пределы отправляются новые партии станков, локомотивов, химического оборудования, оборудования. Это количество этой продукции росло быстро, нужно много условий. Одно из них: пусть ширится армия людей, которые начинают свою жизнь с рассветом.

Прага.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

30

Авессалом Евдокимович Нарциссов, дядя Николая Кротова по материнской линии, войну провел на передовой, в стрелковой роте, трижды был ранен, в партию вступил осенью сорок первого. Ночью, во время тяжелых боев, когда немец ждал под Ельней и в бой вступали полки московского ополчения, Нарциссов видел, как по разбитой бомбами дороге на двух «эмках» подъехали к высоте военные. Один, небольшого роста, широкоплечий, с генеральскими звездами в петлицах гимнастерки, долго смотрел в бинокль на пожарище. Потом закрыл глаза, прислушался к перестрелке, сказал слово себе самому:

— Спаси старики столицу.

(Потом только Нарциссов узнал этого человека по фотографии — маршал Жуков.)

Нарциссов видел, как погибали ополченцы из коммунистической дивизии. Они и погибали, выполняя свой долг, никем им не предписанный: жили люди по закону чести, по этому же закону и гибли.

Тогда-то Нарциссов и вступил в партию. Приняли его в окопе, там же перед атакой выдали красную книжку... Вернулся он осенью сорок пятого, с Дальнего уже Востока, кавалер ордена Славы и двенадцати боевых медалей, с четырьмя нашивками за ранения — две желтые и две красные.

— Думаете, молодежи знает, что означают эти нашивки? — усмехнулся Нарциссов, проглатывая Костенко свою фронтовую фотографию. — Был об заклад — нет... Рассказывать молодым о войне надобно интересно, с подробностями, а я как погляжу, им сухие statistics читают, а они в это время «морской бой» разыгрывают: «попала», «утопили»...

— Авессалом Евдокимович, правы ли вы? — возразил Костенко. — Во все века старшее поколение поругивало тех, кто шел следом.

— Позволю себе не согласиться с вами. А Тургенев? «Отцы и дети»?

— По-вашему, он на стороне Базарова? Это мнение критика называли читающей публикой, на самом деле Тургенев весь на стороне дяди. Он понимал, — гений угадывает тенденцию чуждого любого ученого, кожей угадывает, чувствует, — он понимал, что родилось новое чувство русского человека в условиях отменения рабства. Он готовил к этому читателя, но не умили Базаров вызывает в вас симпатию?

— Не браните при мне Тургенева и не подвергайте сомнению его искренность — он мой кумир.

— Умолкаю.

Старик помешал ложкой черный, с красным отливом чай.

— Только не вздумайте класть сахар, я, как старый чаевод, не понимаю людей, которые

глумится над динным напиком здоровья.

— Я никогда не пью чай с сахаром. Меня монголы к этому приучили. С салом — пожалуйста, с солью и с молоком — тоже прекрасно, а с сахаром — нет. Тогда лучше пить лимонад, подогретый до шестидесяти градусов.

— Приятно говорить со знающим человеком, — удовлетворенно откликнулся Нарциссов. — Итак, вас интересует, кто из однопольных побывал у меня этой зимой? Был, был один молодой человек, но я его совершенно не помню, а у стариков там тогда лучше память спелозеру, либо, наоборот, прозрачна. Я, смею похвастаться, отношусь ко второму типу старцев.

Костенко понимал, что фотографировать Кротова показывать старика пока что нельзя — у него ведь в бумажнике фото Кротова семилетней давности, без усов и оков, всякое может случиться, а вдруг признает, что и я с а. Хотя в честности Нарциссова сомневаться не приходится, разговор принял бы совсем иной, не журналистский оборот, да и неизвестно еще, как старик отнесется к правде, а ведь ему не пристало, а сердце щадить должно.

— Морак?

— Да. Капитан-лейтенант запаса.

Вспомнив данные Тадавы о номере ордена Красной Звезды, которым был награжден Милинко, Костенко уточняюще сказал:

— И как настоящий ветеран, «Звездочку» носит? «Фронтоник», надеваете ордена?

— Именно так. А почему вас интересует этот человек?

— Нам кажется, что он аферист, Аветисов Ефимович, Точных данных нет, но предположение зреть сердце.

— Журналисты на домислы падают...

— Слушайте. Хотя я профессию журналиста ценю сугубо заочно. А вы поглядите на ваш семейный альбом, все фотографии на месте? Или что-нибудь пропало? Вы ведь наверняка с ним фото рассматривали.

— Старик принес, даа альбом. На одном было написано: «Семья Нарциссовых», на другом, красной тушью: «Братья».

— Это фронтовой, пояснил он, живну на слово «братья», иначе не определишь однопольных, толк тек...

— Он, кстати, как вам представлялся, этот капитан?

— Минин, — ответил Нарциссов и начал листать альбом.

— Но он не показывал вам свои документы?

— Не в суде ж мы, не в милиции, упаси господ... Скорее всего, действительно, звика пропал, капитан Немо, он же Руаль Амундсен...

— Это кто ж?

— Племш. Сын покойной сестры, Колка.

— А почему замек?

— А он занемался силой, головой тряс, страдал от этого, агрессивным стал — всех подряд дубасил; иначе, считал, девчонки на него внимания не обратят, а как другие юноши — с-г о в о м — располагать к себе не умел.

— А где он?

— Сгинул на фронте.

— А почему вы его называли капитаном Немо и Амундсеном?

— Мечтал стать морским или летчиком, готовил себя к судьбе сильной личности... Нет, действительно, три фотографии исчезли, а? Заем он какому, а толк не возму...

— А в каком году ваш племянник пропал без вести?

— С сорок первого писем не было, с осени.

— Он на каком был фронте?

— На Южном. Последняя треуголка из-под Киева приняла, шел на передовую, в первый бой...

— Сохранились?

— Конечно.

— Также в этом альбоме?

— Нет, письма у меня в особом конверте, а их Музей обороны Севастополя заберет. И письма рассматривали с капитан-лейтенантом!

— Конечно.

— Ну, значит, не найдите вы там открытки от племянника, — раздраженно сказал Костенко. — Вы знаете, я отъезду на полчасика и вернусь — надо в редакцию позвонить...

«Магаран, ГУУР, Жуков». Срочно ответьте, страдал ли Милинко занеманьем. Костенко, — Костенко по месту нахождения. Милинко занеманьем не страдал, наоборот, очень медленно, певуче. Жуков».

«Костенко по месту нахождения. Топор, предьявленный майором Жуковым, опознан Цыпкиным, как принадлежащий Милинко». По заключению экспертов, такие топоры были на вооружении немецких саперов во время Великой Отечественной войны. Подобный топор хранится в Музее Советской Армии как экспонат. Тадава».

«Костенко прочитал это сообщение, когда готовился выйти с Месропом из Адлерского райотдела на беседу с одноклассником Кротова, ныне директором завода Юмшавым Глебом Гавриловичем.

— Ничего не понимаю, — повторил Костенко. — Вся версия легит к чертовой матери. Если человек был замкой, а теперь говорит, как Цирцер, что прикажете думать!

Месроп возразил как только мог почтительно:

— Но ведь их летит, Владислав Романович.

— Да! Выходит одного выключенного звика вывели?! Это «Техника» — молодежки не чит, а не врань! Это еще только будут лезть, да и то бабашке надовое скажут! Проклятые кане-то, прав генерал: когда получалую мою информации, жид бедь, все отрежет, останешься на мели.

— Но топор опознан...

— Ну и что?

— Это улика.

— Какая, к черту, улика! Если возмужал Кротова, скажет, что топор пропал еще в Магаране на толкучке однопольному инвалду, — вот и прошу вас искать этого инвалида. Все ковенно, Судамуш. Все ковенно, кроме одного — адлерский Кротов был замкой, а магаранский Милинко говорил нормально...

«Юмшав внимательно посмотрел фотографию, положил ее на стол, ответил:

— Да, пожалуй, это Кротов.

«Немо!» — спросил Костенко.

Юмшав на какое-то мгновение задумался, потом ответил: — Каким-то странным, жестким, быстрым мышком:

— Именно так. «Немо Амундсеновский Замка». Скажите на милость, вы его в глаза не видели, а такие подробности знаете... А я за был.

— А почему вы так странно улыбаются, когда вспоминали? — спросил Костенко.

— Замыслил?

— Профессия такая...

— У меня, между прочим, подобная вашей.

По цехам идешь — замечай, иначе инва- гильды разнесут по жирничкам. Только вы за это их посадить можете, а я обязан проводить воспитательную работу.

— Посадить может прокуратура, мы под него ходим...

— Ну и плохо!

— Нет, хорошо! Бесплатно — опасная штука, Глеб Гаврилович.

— Но время не нападаете, не надо...

Были перегибы, но время трогать не след, правильное было время...

— Если то было правильным, значит, нынешнее — и от!

— Я этого не сказал.

— Что ж вы позицию свою не отстаиваете? Коли замкнулись — рубите... И реш, иде- атики не о том, что топор не являлся...

...о том времени — после драки кулаками не машут, просто надо поманить... Я все помню, Глеб Гаврилович, оттого нынешнее время при всех его избушке ценно особенно высоко. Вот так-то. Ну, давайте вернемся к Замке.

— Он что, заменил Родины? Каретель? Костенко рассмеялся, полез за сигаретой прорис...

— Почему так подумали?

— Потому что у учился с ним в одном классе пять лет, духовную его структуру знаю достаточно хорошо...

— Он занемался сильно? — неожиданно спросил Костенко.

— Как вам сказать... Иногда — сильно, а так — меру. У него довольно чужал перед тем, как занемался занемать...

— Про каретель вы попали в десятку. Мы искали его по поводу дуба убийств, зверских, фашистских приносов, а вышли на его ала- совское прошлое...

— Взяли!

— Что? — Костенко сыграл непонимание...

Очевидно, — Будет вам, — устало сказал Юмшав. — Прекрасно вы понимаете, что я имею в виду арест...

— Нет, Мы собираем о нем все сведения — по крупицам, самые на первый взгляд неизвестные...

— Юмшав начал рассказывать по кабинету, оставившись около бюрошко, чуть не всю стену окна, долго смотрел на заводской двор, потом вдруг побегал к сектору, кростно на- чинал юнкую:

— Вспомнил МАЗа 32-751 Как тебе не стыдно! Ты левым колесом на асбестовенные трубы нхалел Это ж хулиганство!

Голос Юмшавы грохотал на весь заводской двор, он снова бросился к окну; Костенко и Судамуш, перегнувшись, подлились, подошли к нему; шофер выскочил из машины, недоумевавшее, со страхом, смотрел на громадную административную корпус.

— А какими я его — увидит к соседю, — это сказал Юмшав, — всюду стены залеплены: «Приглашаем на работу! Блго социаль- ному делу!»

Доплатили 6 зот: «Требуются характеристики с предыдущего места работы, паянц и подпор- не берем!»

— Как же, — сказал Костенко. — Стопро- центно...

Юмшав догадался, когда шофер отхлеб, осторожно маневрируя между трубами, раз- бросанными в беспорядке, вернулся за стол.

— При всем том одного, главного, все-таки мы достигли: коллективизм, чувство локтя, верно ведь — как-то ищущие, с затравкой горелого спросили...

— Не всегда, не всегда и не во всем, но даже то, что добились, — великое дело, — согла- сился Костенко. — А кто стоит наша тяга к кинжал? Это ведь не революция культуры...

— Кстати, Кротов не читал книги. Вообще не читал, можете себе представить! Гундел по- тожонно: «Неинтересно, так не бывает, неправ- да!» Я с ним подражал однажды изза того, что он на «Гуллверна» попер: «Нет таких гномов, ерунда это все!» Я ему и так доказывал и здал, а он свое: «Людей дурнует, а если за дурнует, скажи денег лопатой рубить!» Как он же умел, Свифт-то! «Значит, кто дружит с его гробетом Это в нем, кстати, от отца... Тот говорил: «Линия — единственная правда в жизни» — все остальное бессмыслица. Только чертёж позволяет понять сущность правды.

Он ему и привил здравый практицизм: «Что нельзя пошутить и увидеть, то не существует, то небытие».

— А как это спорить с «Немо» и Амундсе- ном?

— Он любил слушать. Если ему рассказыва- ли — он слушал охотно, но тогда была бы сила и исключительность. Человечество было болезненно. Когда его прокатили, не приняв- и комсомол — за то как раз, что читать не лю- били, — он перестал читать. Голосы чужих, карьера, жестоко избил, штаны на нем порвал, а знаете, когда было по тем временам штаны купить? Когда мы его вывели на общее собра- ние — прощайте! А где у вас — это показате- льство? Кто видел? Гошка мена — ни-нн-нн-нн-нн-нн, поэтому и наговорил. Да-докажи! Мы

Неизвестный художник круга А. Венецианова. Мальчик с игрушками. Первая половина XIX века.

Н. Мыльников. ПОРТРЕТ ЯРОСЛАВСКОЙ КУПЧИХИ ПРАСКОВЬИ ИВАНОВНЫ АСТАПОВОЙ. 1827.

его тогда спросили: «Дай честное слово, что ты его не бил». А он ответил: «Честное было горючее». Гошка даже заплакал тогда... Он, кстати, в одно мгновение на фронт уезжал. Гошкоу почем-то не брали: оканчивал... Он ни по линии райкома добился...

— Жив? — Погиб. — Да? — Под Киевом. — Фамилия? — Козел... Он, бедняга, смущался своей фамилией.

— Кто-нибудь из его родных остался в городе?

— Отец недавно похоронили, он у нас на заводе пятьдесят лет отработал, мать умерла в конце войны, Гошка-то у них был единственным...

— Как звали отца? — Георгий Исаевич. — Значит, Георгий Георгиевич Козел? — Да.

— Но в военкомате какие-нибудь данные на него могут храниться?

— Обязательно. В школе есть его углолок, «следопыты» раскопали его письма домой, заметки в дневничку, он ведь писал у нас класс...

Костенко обернулся к Сандухину: — Месроп, пожалуйста, если товарищ Юмашев позволит, позвоните в горотдел, пусть отправят телеграмму Тадево по поводу установочных данных на Георгия Георгиевича Козела.

— Вы верно произнесли его фамилию... заметил Юмашев, — не обидно, так редко кто говорил, все — как попавшийся...

— И еще... продолжил Костенко. — Пусть просматриват по линии Министерства обороны список тех чист, где служил и погиб Козел, до какого дня они были вместе с Кротовым. Обстоятельства гибели, свидетели, где живут...

— Где живут? — горько спросил Юмашев. — Да живи! Никого уж не осталось почти, мы дожидаем, те, кому в сорок пером было семнадцать...

— А вот и неверно, Глеб Гварилевич — возразил Сандухин, набирая номер, — я нашел вашу учительницу, Александру Евгеньевну, ей семьдесят девять, а она еще бодрая, и вас хорошо помнит, и Кротова...

31

Александра Евгеньевна Хивуча жила в Большой комнате, на первом этаже; и хотя подоконник был заставлен аккуратными рядами горшочков с цветами, вообще же царствовал здесь особый старческий беспорядок; множество лишней вещей; зазеркаль с позлащенными под отломанные ножки кирпичками, софа, на которой лежали книги газет и старые, незаплатанные чулки; на табуретках валяла Бата-ра стелюшка; кастюльки, много кастюлек; Костенко оглянулся — холодильник в комнате не было.

— Александра Евгеньевна, этот товарищ пришел по поводу Кротова, — сказал Сандухин, — Вашего ученика...

— А, Коля... Да вы присаживайтесь. Я отлично его помню, он покойного Ивана Ильича не забуду. Не забуду и был мальчик... Если бы еще не заикался...

— А отчего он начал заикаться? — спросил Костенко.

— Это романтическая история, — ответила Александра Евгеньевна и поправила сиденье, очень жесткие, вшившиеся волосы. — Поскольку все участники драмы ушли из жизни, я могу рассказать вам правду... Только, пожалуйста, не курите, и не потому, что табак угробляет окружающим более, чем курением, а оттого, что считают табак проявлением моральной распушенности...

— Я буду жевать сигарету? — Костенко улыбнулся. — Если позволите.

Александра Евгеньевна покачала головой. — Ну, да ладно, жуйте свою отвратительную соску... Видите ли, покойница...

— Кто, кто? — подальше от себя Сандухин, не заметив острого взгляда Костенко, — Какая покойница?

— Жена Ивана Ильича... Она была очень хороша в молодости, кавалеры преследовали. Но, увы, потом, пока Иван Ильич жил дома, она была образцом добродетели... А потом у него случилось несчастье...

Сандухин хотел было уточнить, какое, но Костенко пожимал ему руку на колено, и тот понял.

— Иван Ильич был очень резким человеком. Никто не знает, что произошло в тот день у них на вечеринке, но он ударил зауча Завьялова. Удар пришелся по виску, Завьялова увезли в больницу с сотрясением мозга. Потом над Иваном Ильичом был суд, дали два года тюрьмы... Через семь месяцев он вернулся. А у него дома — он приехал без предупреждения, за хорошую работу освободили значительно раньше срока — сидел заучу Завьялова...

Иван Ильич пришел в свой закуток (у них был свой дом, с массой маленьких закутков, покойник не любил больших помещений), дождался, пока заучу ушел, и тот даже пытался с ним заговорить, но Иван Ильич свою дверь не открыл, — вышел в столовую. А там сидели его жена и Коля... Дело в том, что заучу, чувствуя, видимо, свою вину, приходил подтягивать дисциплину, совершенно не давался литературе, истории, географии... Никто не знает, что творилось в доме у Кротовых, только сидели ссорясь, Коля прокатывал кривой Коля, очень кричал. А после исчез, и нашли его в море через четыре дня, он сбился из дома, угнал рыбачий баркас...

Но разгласил шарки, косясь на Овсянкова, — представляете состояние ребенка! После этого он и стал занкой... Жена две недели не выходила из дома, с той поры совершенно исчезла ее была с самостоятельностью и красотой — она как-то смеялась и постоянно смотрела на Ивана Ильича рабскими глазами...

— Иван Ильич был очень жестоким человеком! — спросил Костенко.

— Я бы сказала иначе... Я бы сказала, он был справедливым человеком... За измену бабу испокон века драли вождями...

— Но вы считали, что измены не было? — удивился Костенко.

— Была моральная измена, а она подчас страшнее физической.

— В чем же выразилась измена Аполлиниера Евдокимовича?

— Кто? — удивилась старушка. — Кто?

— Так звали покойницу, — пояснил Сандухин.

— Да? Незаданая, а я как-то и не знала ее имени, помню только, что поповское... Она засмеялась мелким, быстрым, заплывающим смехом.

— Иван Ильич был красивым мальчишкой? — понтеросовался Костенко.

— О, невероятно! Сильный, высокий, уверенный в себе... Очень красивый, мы все были от него без ума...

— До этого Коля не заикался? — уточнил Сандухин.

— Нет, Никогда... Он очень тяжело заикался, бедный мальчик... И в нем произошел какой-то внутренний слом...

— Кто, затиснул, стал тихий?

— Никто! Из бутылки выпустить динжал! Он, мне кажется, боял значение сына. Только его ведь и боялся. Вот он и стал главным драчуном — как что не по его поводу, сразу в драку...

— Но у него все равно любил... В нем не было этого отвратительного — как у некоторых учащихся — чувства стыдливости...

— То есть? — не понял Костенко.

— Вы же помните школу, — ответила Александра Евгеньевна. — Кто-то набедрал, зло

нужно наказывать — непременно и безуловно, — но ведь не говорят, парнишки, про зачинщика. Однако его необходимо выявить и наказать, тогда дружка будет недоволен... И только один мальчик в классе помог мне...

— Ябедничал! — спросил Сандухин.

— Вы неправдоподобно прокомментировали, Александра Евгеньевна даже передернула острыми плечиками... Что значит ябедничал?

Он говорил правду. А другие — из ложного понимания духа товарищества — покрывали виновника. Разве это можно назвать ябедничеством?

Костенко снова положил руку на колено Сандухину и спросил:

— Говите Козелу что доставало от него? — Козел был маленьким тираном. Он горел своими лозунгами и требовал, чтобы все были, как он... По-моему, он был хвастовством...

— А чего ж на фронт добровольно ушел? — снова не удержался Сандухин.

— Вы думаете, бескорыстно? Он наверняка полагал, что его определит в газету — стипендию писателя! А пришлось козачи! Взялся за гуж, не говори, что не дюж! Вы думаете, Козел (она снова произнесла фамилию именно так, как и ждал Костенко, с ударением на втором слове) не доимал учителей? Комсомол, ему все можно, а мы — мешаю, обыватели, да еще не у всех чист пролетарское происхождение... Нет, нет, их даже сравнивать нельзя, двух этих дель...

— Александра Евгеньевна, а когда Коля Кротов улепска авшая?

— Знате, он будто чувствовал приближение войны... За полгода раннее весной, начал посылать Овсянников, и к нашему введению удивления, пролетел над школой с Игорем Андреевичем. Крыльшки поднял, Игорь Андреевич?

— А кто так? Игорь Андреевич?

— Нет! Азронат. Кумир всех мальчишек! Во время он служил в белой гвардии, поэтому его не пригласили в РККА, он и пристроился в Овсянников... Вась, а комсомо перчатки с растрепаны, уши нафаршированы, брови взлетают, удивительный мужчина. Он, правда, потом перелетел к немцам в Новоросси...

— Как фамилия кумира? — спросил Костенко.

— Не помню... Игорь Андреевич, его все звали Игорь Андреевич!

Сандухин поднялся: — У вас тут поблизости есть телефон?

— Обещают в следующей пятятке, пока нет...

— Ничего, — сказал Костенко, — успеете, Месроп... Садитесь... Александра Евгеньевна, у вас случаем писали на Колю нет? Он, видимо, очень хорошо к вам относился...

— Писала? — Она прыгнула со смеха. — Умей он хорошо писать, его бы устроили на работу, где давали броне, а не отправляли на войну...

— Но ведь отец пытался пристроить Козела на завод — мяско спросил Костенко. — Разве нет?

— Конечно. А на завод брали лучших комсомольцев — из невоеннообязанных. А Коля был такто здоровый.

— Александра Евгеньевна, школьные тетрадки хранятся в архиве? — спросил Месроп.

— Какие же в школе архивы, молодой человек! Это ведь школа, а не околоток... Несколько учителей оставляли себе особенно интересные сочинения, я долго храню, а некоторые Лиды Гончаровой, она прекрасно записывала рассказанные, даже записные улавливали...

А Никодим Владимирович хранил ужасные сочинения, с тьмой грамматических ошибок...

Он жив! — спросил Костенко.

— Да что вы, он старше меня на два года и три месяца, а вы заикаетесь...

— Да у него убоиста? Сын! Дон? — Да дочери, Лидася и Риммочка, они его обожали, так и остались одними в роде моих...

— Александра Евгеньевна, а к вам этой зимой моряк не наведывался?

— Какой моряк? — удивилась учительница. Среди моих учеников не было матросов. И потом ко мне редко приходят, я вода была строгая, я не загибала, как это теперь принято, с детьми. Да, я требовала, а кому нравится, если требовал? Отчего я Кольку люблю и помню? Потому что он — мальчишкой уже — понимал: порядок и требовательность — самое главное в жизни.

— И! Скажи, подумал Костенко. — И еще — не вернее в книгу, особенно в Голливуда.

32

Тетрадку Николая Кротова в доме покойного Никодима Владимировича нашли дочери — Риммочка и Лидочка, тоже старушки уже, — по опросу.

— Хотя папа не был знаменитостью, — сказала младшая, Лидочка, — но его архив мы передаем государству, уже приезжали из Краснодара, смотрели, воссоздавали: история педагогики края за пятьдесят лет, где еще такое сохранилось? Вам неверно сказала Александра Евгеньевна, что папочка собирал только отменно плохие сочинения, папочка хранил все. Плохое в том числе. Он был у нас настоящим гражданином, поэтому оставлял потомкам правду, а разве она бывает однозначной?

«Тадеев. Эксперты адлерского НТО установили идентичность почерка Кротова с подписью того человека, который получил деньги за убитого Минченкова, исследовав выписку сочинение Кротова, июнь 1941 года. Костенко».

«Вечером, прогуливаясь по набережной — голова раскалывалась, менялась погода, видимо, шло к дождю. — Костенко обратил внимание на большой плакат, вывешенный возле порта: Черноморско-Азовской рыбопромысловой флотилии требуются матросы, мотористы, раздельщики рыбы. Зарплаток — до 400 рублей». Костенко вдруг повернулся и быстро пошел в гостиницу, но, когда был уже почти рядом, остановил такси и сказал шоферу:

— Пожалуйста, в гордетел милиции, товарищ...

Там он попросил дежурного открыть кабинет Месропа, позвонил ему и сказал:

— Не сердитесь, что так поздно, приезжайте пожалуйста, сюда и попробуйте привезти с собой начальника отдела кадров рыбофлота. Того, словом, кто оформляет на работу людей, уходящих в дальние плаванья...

«Под утро, кончив беседовать с работниками порта, Костенко пошел на пляж, окунулся в ледяную еще воду, лег на холодную гальку (только августовская держит тепло солнца до утра, майская за ночь остывает) и долго смотрел на то, как в небе шло драматичное противостояние: солнце стремилось пробиться к людям, которые сюда к нему и приехали, а тяжелые, с воронками, флотилей отбивали тучи словно бы блокировали его, загирали. Натужность борьбы была столь драматичной, я встал в 9-й, что Костенко снова вспомнил отца и Левона, когда они поехали — в сорок девятом еще — на «Динамо»;

играли тогда «Спартак» и ЦДКА. Составление было финальным, определяющим турнирную таблицу, стадион полон; напряженность была подобна этой, удерженной, только здесь напряженность еще более драматична, потому что тишина плывет над морем, на пляже ни одного человека; рассвет. А тогда стадион ревел, и футболисты, чувствуя трибуны, выкладывались, и кто-то дал простреленный пас, а кругом стояли спартаковцы, и было это метров в двадцати от ворот, и форвард Валя Николаев — жива ли! — прыгнул ласточкой, и в этом феноменальном прыжке, параллельно земле, он напал головою мокрой мяч и сунул его в девятку, пролетев сквозь строй спартаковской защиты. Левон и Костенко тогда вскочили со своих мест, закричали, как, впрочем, и весь стадион, вне зависимости от того, за кого болели зрители; воссоздавая в этой, которая сделалась историей с футболу. А отец раскуривая свою «герцеговину флюор», смотрел на ребят, и горюха, нежная усталость была у него на лице. А чья-то рука, в этот момент, — спросил тогда Костенко отца, — я не молчу, — ответил тот. — Я вместе с вами. Только я кричу молча. Так порою слышнее».

Продолжение следует.

И вышли комбайны в поле...

БЕЗ ПРАВА

С. КАЛМИЧЕВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Возле двухэтажного особняка с колоннами, где разместилось правление колхоза, по утрам всегда многолюдно. Останавливаются, чтобы через пять минут укатить по делам, грузовики и горбатые «иномы». С грохотом подкатывает темный мотоцикл, заставляя грязью так будто его вопиши из болота. Один люди сменяются другим, на две-три минуты собира-

ются группками. Тут же накоротке что-то решают, даме подписывают бумагу. Из распахнутой двери «иномы» доносятся голоса. Это хозяин, оставив на минутку машину, не выключил радио.

— У меня полетел кронштейн варнатора. У вас нет запасного? — раздается из динамика.

— А разве нельзя слепить?

— Он чужой. Надо менять.

— Ты уточни. Там, кажется, стальной.

И вдруг в этот разговор сквозь треск радиопомех врывается голос председателя колхоза Героя Социалистического Труда Леонида Иосифовича Шифера:

— Что за разговор! Человек у тебя помощи просит. Посылай лутучку или железный сам.

Здесь, перед колхозным штабом, из обрывков разговоров, по обозначенным лицам, по той деловой торопливости, с какой после короткого «Здравствуй!» люди переходят к вынесению главного, нужного именно сейчас, ощущаешь всю напряженность момента.

Накануне вечером, сидя на лавочке перед колхозной гостиницей, я слышал беседу двух стариков. В их разговоре переплетались НЭП и денкинизация, бой под Кенгсбергом и кол-

Обед на рабочем месте.

Секретарь парткома колхоза «Заря коммунизма» Виталий Григорьевич Баул.

статок горячего дыхания солнца не позволял ему провалиться, набраться звонкой упругости и силы.

И только в последних числах июля вывели в поле уборочную технику бригады механизированных отрядов Героя Социалистического Труда Василия Иванович Моторного и Петра Макарович Пампуленко. Делали первые прокосы, первые машины с зерном ушли на элеватор. Горькое солнце ступало было беснелым, быстро темнели тучки, и хлынул дождь.

И снова ожидание. Каждое утро люди смотрят в небо. Истосковались... Нет, не просто по работе. Дел в колхозе всегда хватает. Здесь большой откороченный комплекс, который практически выполняет районный план продажи мяса государству, современные молочнотоварные фермы, большие площади заняты свеклой, овощами, садами, кукурузой. Но главное — хлеб. Почти три тысячи гектаров зерновых, кроме кукурузы.

Жатва никогда не бывает легкой, и все же жатва — праздник. Она подводит главный итог устали года. А здесь это результат многолетнего пути.

Если в восьмой пятилетке средний урожай пшеницы по колхозу составил 28 центнеров с гектара, то в девятой он поднялся до 51. А в четыре года нынешней пятилетки до 54,7 центнера! Это больше миллиона пудов годового сбора.

Леонид Иосифович все время подчеркивает, что они планируют ежегодный рост урожайности и за последние десять лет ни разу не «сбились» с плана, хоть и пережили несколько весьма и весьма неблагоприятных годов.

Теперь колхоз стал школой высоких урожаев для многих и многих хлеборобов республики. Когда проходило обсуждение итогов июньского Пленума ЦК КПСС, колхозники «Зари коммунизма» еще раз подтвердили свои возможности и взяли новые, более высокие обязательства, чтобы достойно завершить десятую пятилетку, заложить прочные основы для успешной работы в будущем. Они решили до конца года продать государству на пять миллионов рублей сельскохозяйственной продукции сверх пятилетнего плана! И, выступая на пленуме Кировградского обкома партии, Шлиффер от имени коллектива колхозников заявил, что они намерены собрать в этом году по 60 центнеров пшеницы с гектара.

...И вот наконец дожди поределли. С утра засияло солнце, и армада машин двинулась на поля. Четыре механизированных отряда, как четыре мэхбаты, пошли в генеральное сражение за хлеб. Первыми врезались в стень хлеба комбайнеры Леонтий Заребца, Владимир Дзюба, Василий Федоров, Петр Тересви-чус...

Грохочут их мощные комбайны, стреляя в прищипы измалеванной соломы, быстро наполняя бункера хлебом. Вышли из кабины и провозжат их завороченными взглядами шоферы грузовиков. Но вот уже один, за ним другой пристроился к комбайнам, на ходу принимая зерно в кузова своих машин. Нечему заправщика, ремонтники. Подкатил автобус. Комсомолки привезли караван хлеба из нового урожая — к обеду!

В колхозе 21 комбайн. А на жатву вышло 34. Механизаторы вернули к жизни 13 старых, давно выработавших свой ресурс и уже спивших комбайнов. Ведь кто знает, сколько солнечных дней отпустит им в эту небывалую жатву природа. Механизаторы будут работать — пока хлеб сухой — от росы до росы, до очередного дождя. И пусть этим стареньким комбайнам, хвостовым ценной волеи устали, суждено быть в работе всего три-четыре дня, пусть даже меньше, спасенная ими часть урожая — вклад в общую победу.

На шустром «газике» мы возвращались с поля вместе с председателем. За рулем сидел его младший сын Валерий, студент-третьекурсник. Его хлеборобская душа не выдержала, и он приехал работать на жатву. Динамик колхозной радиосети все время включен. Включены они и в машинах, кабинетах помощников председателя, бригадиров, специалистов. Эти люди все время в курсе того, что происходит на полях колхоза, растянувшихся на тридцать пять километров.

Оперативно решались десятки вопросов, Леонид Иосифович в распоряжении младших командиров не вмешивался. Лишь однажды, прислушавшись к какому-то разговору, взял в руки микрофон и сказал:

— Если увидели, что зерно трудно вымалывается и неизбежны потери, — уведите технику на другой участок. Время, конечно, очень дорого, но хлеб дороже. Это принцип. Мы меня не поняли!

После щелчка из динамика донеслось:

— Понял, Леонид Иосифович.

...Над селами Тимофеевкой и Надлаком, вокруг которых раскинулись колхозные поля, безмятежно светило солнце. Надоело ли оно выкатиться? Председатель, окидывая взглядом бесконечные хлебные поля, говорит:

— Я был делегатом XXIII и XXV съездов КПСС. И в нынешнюю предсезонную жатву по-особому ощущаю ответственность за судьбу урожая. Мы все настроены так, что на уборке не будет лишнего теплого дня, даже часа. На передышку не надеемся.

Новоархангельский район, Кировградский район.

НА ПЕРЕДЫШКУ

лективизация. Перебьд к дням сегодняшним, один сказал:

— Семьдесят лет живу тут, а такого лета не помню.

Трудно и необычно складывался здесь, на Кировградчине, урожай нынешнего года. Хлеборобы колхоза «Заря коммунизма» поселили озимые в лучшие сроки — с 1 по 10 сентября. Но осень была сухая. Приходилось точно рассчитывать глубину посева, чтобы зерно достало подпочвенную влагу. И несмотря на то, что потом полтора месяца не упало ни капли дождя, всходы были дружные, растения хорошо распустились, окрепли.

Первый осенний дождь пошел 24 октября... вместе со снегом. Потом еще были дожди, но снега уже до самой весны не было. И все же пшеница выстояла.

Весна прошла по календарю, а не по солнцу. Провалились дожди, но тепла не было. Наступил июнь, пора бы уже и желтеть полям, но они стояли зелеными, как лес. Это и радовало и тревожило. Обычно в колхозе в середине июля уже заканчивали жатву, а в этом году еще и не приступали к ней. Даже в конце июля зерно еще не вызрело до конца. Недо-

В «Заре коммунизма» живут и работают герои Героя Социалистического Труда: Петр Макарович Пампуленко, Василий Иванович Моторный, Леонид Иосифович Шлиффер, Мария Семеновна Дзюба, Прокофий Артемович Пискаев.

Музыка
Богдана ТРОЦКОКА

Стихи
Геннадия АВИЛОВА

Под знаком Дружбы
каждый раз
Приходит праздник
Спорта
Олимпиада — звездный
час
Спортивного рекорда!
на рекорд!

На марше Мира
и Труда —
Спортивные отряды!
Для них всегда горит
Звезда,
Звезда Олимпиады!

Привнес — счастливые
Звезды на старт, Звезда
Олимпиады,
Всех, кто спорту друг!
Их ждут бои, победы
и награды,
Их ждет почетный круг!

Свети, свети, Звезда
Олимпиады,
Всем, кто любит спорт!
Тебе, Звезда,
Сиять всегда
И звать в атаку

Пароль для Олимпийских
и встреч
Известен всей Вселенной:
Нельзя рекорды уберечь
От натиска спортсмена!

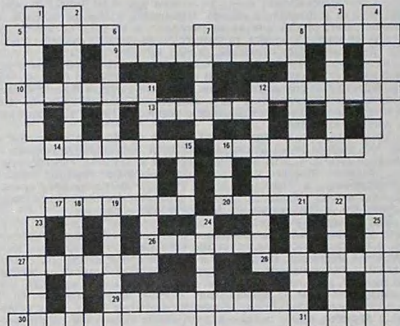
В груди — счастливые
сердца,
А музыки — из стали
Три первых, лучших
три бойца
Стоят на пьедестале!

Привнес.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Кристаллическая горная порода, применяемая для скульптур и как облицовочный материал. 8. Метод, совокупность приемов. 9. Преподовательница, педагог. 10. Предприятие связи. 12. Укрепление, удостоверяющее копии документов, подлинности подписей. 13. Птица семейства фазановых. 14. Южная декоративная вечнозеленая кустарник, мексикан. 16. Повесть В. Ф. Наумова. 17. Выступление артиста, театральной труппы в другом городе. 20. Конвертер для трансформирования штурманских таблиц. 28. Побудительная причина. толчок. 27. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Чайка». 28. Русский живописец XVIII—XIX веков. 30. Вид проноски. 31. Популярный австрийский композитор. 31. Народный поэт Азербайджана.

По вертикали: 1. Очень твердый камень. 2. Шутливая музыкальная пьеса. 3. Польский астроном XV—XVI веков. 4. Областной центр на Украине. 6. Заголовок раздела в журнале. 7. Герой романа «Мадма Бовари». 8. Озеро в Баранской степи. 11. Наука о функциях, процессах в организме. 12. Естественный сплав. 15. Шахматная фигура. 16. Столбовидные М. Ю. Лермонтова. 18. Документ об окончании школы. 19. Кормовой река. 21. Возвращение, выплывание автору. 22. Город в Красноярском крае. 23. Народный поэт. 24. Приток Вислы. 25. Герой музыкальной драмы Р. Вагнера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 4. «Латарь». 7. Памфилов. 8. Курское. 9. Простоквашино. 12. Памфилов. 15. Крайер. 16. Азамат. 17. Экспедиция. 18. Икитолопи. 20. Рокко. 22. Сектор. 24. Алатырь. 25. Циклопиды. 28. Стрелет. 29. Абрикос. 30. Личинка.

По вертикали: 1. Матрос. 2. Каллифорния. 3. Краков. 5. Квартер. 6. Динейка. 9. Петровск. 10. Аляскинский. 11. Трактор. 12. Пастиль. 13. «Труть». 14. Нахичевань. 15. Островский. 21. Область. 23. Кубос. 26. Татия. 27. Скала.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: С. колхозного поля шагнул в науку генеральный директор научно-производственного объединения «Заря» Василий Петрович Федоркина (с. номере материал «Молодое лето Молдовы»).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ И: Иван Андреевич Харченко осматривает яблоню голден-рейншис. С. Плом с этого дерева. * Сбор яблон на пальметте. Мастер-садовод Елена Веретенкова и рабочая Галина Широкова. * Пальметтный сад стар-кримоса. * Плоды стар-кримоса. * Яблонки — здоровые. Особую любовь к древесным плодам проявляют дети. (См. в номере материал «Доброе яблоко»).

Фото А. Рыбо (Краснодар. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, в. в. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (технический секретарь), Н. А. ИВАНОВА, в. д. НИКОЛЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Формальное Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Редакции и новостей — 250-56-88; Междугородный — 212-30-03; Социально-экономический — 250-24-21; Искусств — 250-46-25; Литературный — 212-23-65; Военно-патристический — 250-15-33; Наука и техника — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-18; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Индекс — 212-22-60; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.07.80. Подписано к печати 25.08.80. Формат 70х100/16. Тиражная печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1794. Заказ № 2619.

Оформлена и одобрена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125965, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

участия на Олимпиадах. До этого наибольшего успеха советская команда добилась 4 года тому назад в Монреале, получив там 125 медалей, и из них 49 золотых.

Постоянные великолепные результаты спортсменов ГДР, которые увезли 126 медалей, и из них 47 золотых, 37 серебряных и 42 бронзовых. Всего две команды — СССР и ГДР, а какая в них мощь! Если эти две команды выйдут на старт, то они обеспечат успех любым соревнованиям, в том числе и олимпийским.

Зрители, а их было почти 5 миллионов человек, не считая тех, кто следил за соревнованиями у экранов телевизоров, конечно, а первую очередь радовались успехам своих соотечественников, но не то они и зрители, чтобы отдавать должное мастерству всех победителей. С каким воодушевлением принимали зрители и победу скакового польского прыгуна с шестом Владислава Козакевича, установившего в Москве новый мировой рекорд, и победу женской команды Зимбабве, завоевавшей золотые медали в хоккее на траве, и победы французских рикшистов и шпанкетов, завоевавших командное первенство.

Мы познакомились на олимпийских аренах со множеством выдающихся атлетов, стали свидетелями новых мировых рекордов и долго еще будем вспоминать все подробности Игр XXII Олимпиады. А к вечеру 3 августа еще раз собрался на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, чтобы попрощаться с Олимпиадой-80. Снова, как и в день ее открытия, ожили и расцвелись всеми красками трибуны огромного стадиона, а в его центральной ло-

же заняли места руководители партии и правительства — товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Певнев, Н. А. Тихонов, М. С. Горбачев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимякин, К. В. Рукавов. Здесь же находился генеральный секретарь ЦК НРПД, премьер-министр ЛНДР Кейсон Фомиван.

В ложе находились президент МОК лорд Килланин, председатель Организационного комитета «Олимпиада-80» И. Т. Новиков, а также вновь избранный президент МОК Х. А. Самаранч. В ложе почетных гостей были премьер-министр Финляндии М. Койвисто и другие видные государственные, политические и общественные деятели, парламентарии из различных стран, мэры столиц ряда государств, руководители международных организаций, члены Международного олимпийского комитета.

И вот прозвучали прощальные слова президента МОК лорда Килланина, призывающего спортсменов объединить усилия, чтобы не допустить разрушительной войны. «Ход соревнований и установленные многими из вас рекорды», — сказал лорд Килланин, — свидетельствуют о высоком уровне этих Игр, и мне жаль тех, кто не смог принять в них участие».

Погас Олимпийский огонь в огромной чаше, 16 дней освещавший ход борьбы сильнейших спортсменов мира. Унесено олимпийские знамя, чтобы через четыре года оказаться в новой столице Олимпийских игр — Лос-Анджелесе. История Олимпиад продолжается.

1 Элизабет Тойрер (Австрия) завоевала большой приз по выездке.

2 Каждый из них внес свой вклад в олимпийскую победу на дистанции 4×400 метров. Слева направо: Николай Чернецкий, Михаил Линге, Реингнус Валюлис и Виктор Маркин.

3 Владислав Козакевичч (Польша) готовится к рекордному прыжку.

4 Итальянский боксер Патрицио Олева (справа) победил в финальном бою Серика Конакбаева.

5 Герд Вессиг (ГДР) не верит своему счастью: планка на высоте нового мирового рекорда.

6 Советские волейболисты празднуют победу.

7 Юрий Седых — чемпион XXII Олимпиады по метанию молота.

8 Финальный рынок олимпийского чемпиона в беге на 1500 метров Себастьяна Коз (Великобритания).

9 Финальная встреча по баскетболу советских и болгарских команд.

10 Татьяна Казанкина побеждает в беге на 1500 метров.

11 Футболисты Чехословакии — олимпийские чемпионы.

2

3

4

5

6

7

Фото А. БОЧНИНА.

10

11

